

*Блаженны миротворцы, ибо они
будут наречены сынами Божиими.*

Библия. От Матфея святое
благовествование. Глава 5

САРЫ ОЗЕК!

Всё начинается с чего-то. У кого-то с букваря, у Кузьмы Николаевича Деревянко, русского генерал-лейтенанта, поставившего окончательную жирную точку во Второй мировой войне, – с крохотной железнодорожной станции Сары Озек в Казахстане.

В те старые времена, это была середина тридцатых годов, здесь, возле железнодорожной нитки Транссиба, убого торчали несколько каменных зданий: вокзал, школа, а вокруг – глинобитные полуземлянки. С юга к станции надвигался большой холм с новенькими грузовыми автомобилями, расставленными по склону.

От Сары Озек по сверхсекретной трассе Z через пустыню Гоби, вечные снега Тянь-Шаня они перегонялись в Синьцзян, провинцию нашего великого соседа, который из последних сил в то время сопротивлялся натиску японцев. Машины уходили с комплектами самолётов, орудий, танками, винтовками, миллионами патронов.

Станция была перевалочной базой (для потока вооружений армии Чан Кайши), под командованием скромного неумолимого капитана

РККА Кузьмы Николаевича Деревянко, который приехал из Москвы после окончания Восточного факультета военной академии им. М. В. Фрунзе. Об этом учебном заведении хочется чуть подробнее рассказать.

На заре советской власти умные государственные головы, прежде всего Троцкий, который был тогда наркомом по военным и морским делам, задумались о подготовке профессиональных разведчиков для новой страны. Так был создан специальный факультет при академии, куда слушателей набирали по зову их сердец.

Не каждый человек может выведывать чужие секреты. Тут нужны... Недавно я прочитал очерк о нашей легендарной разведчице, Герое Советского Союза.

Как это женщина попала в сверхсекретную службу?

Она каким-то непостижимым образом вышла на руководителя разведки, предложила свои услуги. Тот, человек умный, внимательный, поинтересовался уровнем образования девушки, знанием иностранных языков.

Оказалось, кроме желаний, у неё ничего за душой не было. Руководитель предложил претендентке для начала окончить институт, освоить иностранный язык. После этого он готов составить с ней разговор.

Каково же было удивление чекиста, когда через несколько лет девица снова предстала пред

ним, но уже с дипломом о высшем образовании, хорошим знанием двух иностранных языков. Пришлось ей открыть дорогу в разведку. Она работала так умно, самоотверженно, что стала успешной искательницей чужих секретов.

У Деревянко путь оказался более сложным, извилистым и многотрудным. Родился он в бедной семье каменотёса. Его отец, Николай Кириллович, был бунтарём по духу и по жизни. В девятьсот седьмом году примкнул к восстанию на Украине. Правда, его роль оказалась незначительной. Когда правительство разобралось с бунтовщиками, жителя села Косиновка отправили в ссылку на Север вместе с женой, где он пробедовал четыре года.

За это время его мозги хорошо встряхнулись. Он понял, что с помощью оружия ничего не добьётся. Надо идти другим путём – через... образование детей. Начал с сына. Кузьму, самого умного, пристроил в церковноприходскую школу. Потом родители поднатужились, отдали его в гимназию. Трудно сказать, кем бы он стал в обычной жизни, но случилась революция, а затем Гражданская война, которые вынесли парня совсем на другие просторы.

Гимназиста Деревянко забросило в школу красных старшин.

В тысяча девятьсот семьдесят первом году на экраны нашей страны патриотической комедией ворвался фильм «Офицеры». Образ Ивана авторы списали с Кузьмы Николаевича Деревянко. Его, весёлого, с чёртиками в глазах, великолепно сыграл артист Лановой. Именно таким был профессиональный разведчик и полководец в звании генерал-лейтенанта. В фильме авторы прицепили ему на погоны ещё одну крупную звезду. Но от этого суть не поменялась. Реальный Деревянко превзошёл кинематографического в... историзме. Он стал одной из самых значимых фигур Второй мировой войны и всю жизнь называл себя ратником Сидящего на белом коне.

Своё восшествие в бессмертие Кузьма Николаевич начал со школы красных старшин. В то время для молодёжи было обычным грезить мировой революцией. «Я землю покинул, пошёл воевать, чтоб землю крестьянам в Гренаде отдать». Не было парня, особенно в рядах Красной армии, который бы не знал это светловское стихотворение. Все мечтали пропороть саблей и штыком пузо мировой буржуазии и привести к власти пролетариат.

Подобное намерение у хлопца из Косиновки вылилось в... изучение японского языка, чтобы по-свойски толковать с крестьянами Страны восходящего солнца. Самое поразительное, судьба так распорядилась, что через много лет Деревянко вместе с генералом Макартуром освободил японских крестьян от помещичьей неволи.

Но прежде, после военных школ (он за один присест одолел целых две, второй была Харьковская военная школа), Кузьма Николаевич воюет. В кино это показано атакой красной конницы. Крупным планом выхвачено в кадре вдохновенное, красивое лицо Ланового, который, размахивая шашкой, летит на врагов советской власти. За успехи в реальных кавалерийских атаках Деревянко наградили серебряными часами, а по фильму ещё и «революционными» красными шароварами. В реальности это сделала мама, отправляя сына на военную учебу в Киев. Как раз она и подарила ему холщовые штаны, покрашенные бузиной в оранжевый цвет.

Служба Кузьмы Николаевича была успешной. Он командует взводом, ротой и даже чуть ли не полком. Тот, кто ведал отбором кадров в военную академию М. В. Фрунзе, разглядел в молодом командире лингвистические способности и предложил стать слушателем восточного факультета, на котором готовили разведчиков.

Мне удалось отыскать в интернете заметки одного из слушателей об открытии факультета. Автор честно показал, как это было, без желания чего-то скрыть, о чём-то умолчать, дав возможность читателю о многом догадаться, многое представить и кое-что понять. Вот текст.

«Однажды я был приятно удивлён, прочитав объявление о создании специального факультета восточных языков, который создавался академией вместе с Наркоматом иностранных дел и должен был обучать слушателей из обеих организаций. Оказалось, что моя давняя мечта – служить революции на Востоке – жива, хотя я уже не надеялся на её воплощение. Я подал заявление на Восточный факультет и в дополнение к освоению моей военной специальности стал одновременно изучать три иностранных языка: персидский, хинди и арабский. Начальником восточного факультета был бывший морской офицер из дворян, блестящий лингвист Доливо-Добровольский. Комиссаром факультета стал заведующий отделом НКВД Владимир Цукерман. (Он был расстрелян шестнадцатого декабря тысяча девятьсот тридцать седьмого года

вместе с послом Караханом и секретарем ЦИКА Енукидзе.)

На открытие факультета мы собрались в большом зале академии – около семидесяти слушателей, половина военных и половина гражданских из НКВД. К нам обратился начальник академии генерал Снесарев, который большую часть своей сорокалетней службы в армии провёл на Востоке как офицер Генерального штаба. Этот ветеран с воодушевлением очертил нам задачи работы в приграничных странах Дальнего Востока, где встречаются Российская и Британская империи.

“Я прочту вам, – сказал он, – курс военной географии Синьцзяна, Тибета, Памира, Северо-Западной Индии, Белуджистана, Афганистана и Персии, по чьим дорогам я не раз прошёл пешком. Я жил в этих странах среди местных жителей и говорил на их родном языке. Я научу вас всему, что вы должны знать об этих странах как офицеры Генерального штаба и дипломаты.

Со времён Петра Великого Россия неуклонно продвигалась к тёплым морям и Индийскому океану. И на пути у русских всегда стояли англичане. В тысяча семьсот шестнадцатом году Пётр Великий направил войска под командованием князя Черкасского в Бухару и Хиву, надеясь проложить путь в Индию, но эта попытка не увенчалась успехом. Император Павел Первый в январе тысяча восемьсот первого года приказал атаману донских казаков Орлову пересечь границу и напасть на англичан. Больше месяца в суровую зиму двадцать пять тысяч казаков совершали марш вместе с артиллерией. Они пересекли Волгу и углубились в Туркестанские степи, когда Павел был убит в Санкт-Петербурге в результате заговора, одним из инициаторов которого был британский посол при императорском дворе. Новый император Александр немедленно отозвал экспедицию.

В девятнадцатом веке путь к Персидскому заливу и тёплым морям, имеющий для нас большое значение, снова постоянно преграждали англичане. Чтобы открыть этот путь, мы вели несколько войн в Персии и Центральной Азии, но за нашими противниками всегда стояла Британская империя. Точно так же Британия старалась лишить нас плодов наших побед на Балканах.

Вы спросите меня, почему я говорю вам всё это, когда советская революция отбросила идею империализма. Это верно, что Советская Республика не имеет империалистических целей.

Цель советской революции в мировом масштабе – освободить угнетённые народы от империалистической эксплуатации, и особенно принести свободу народам Востока. Но самым серьёзным препятствием на этом пути остаётся британский империализм. Если мы хотим принести свободу народам Азии, мы должны подорвать власть британского империализма. Он по-прежнему остаётся смертельным врагом этих народов, так же как и нашим врагом. В этом заключается ваша задача, и вы должны учиться на нашем опыте, как её решать.

Я лично рассмотрел результаты вступительных экзаменов каждого из вас, и я уверен, что мы отобрали лучших. С одной стороны, мы отобрали тех, кто сможет нести двойную нагрузку, совмещая учёбу в военной академии с учёбой на Восточном факультете, с другой стороны, мы сделали такой же тщательный отбор в НКВД. Отныне Генеральный штаб и Комиссариат иностранных дел будут внимательно следить за вашей учёбой и решать, как вас лучше в дальнейшем использовать”.

Пока Снесарев выступал, я рассматривал своих коллег-студентов. Большинство были молодцы и уверены в своих силах. Предсказания генерала Снесарева новым слушателям в значительной мере сбылись. Учёба одновременно по двум программам некоторым оказалась не по силам, и они оставили факультет, чтобы успевать в академии, но каждый год новых слушателей набирали тем же порядком. Многие из этого первого набора достигли высокого положения как советские дипломаты или военачальники. Пять лет спустя, когда я завершал свою работу в Персии в качестве Генерального консула, более трёх четвертей советского дипломатического корпуса в странах Ближнего и Среднего Востока, а также Китая и Японии составляли выпускники Восточного факультета. И такое положение сохранялось ещё много лет. Среди тех, кто присутствовал на открытии факультета, были будущие послы: Пастухов – в Персии и Славущий – в Японии; посланник в Саудовской Аравии Хакимов, Генеральные консулы Шарманов, Саркисбеков, Кассис, Батманов, Заславский, Мамаев, Мельзер, Левицкий и другие; а также немало молодых [будущих] генералов, которые потом служили советниками у Чан Кайши и военными аташе в странах Азии”.

Деревянко готовился по двум программам: военачальника и профессионального разведчи-

ка. На выходе получился уникальный специалист широкого профиля, но сперва Кузьме Николаевичу пришлось «обкататься» в роли коменданта перевалочной военной базы в Сары Озек.

Бурный поток вооружений для Китайской армии ежедневно направлялся по трассе Z. Начинаясь он со станции Сары Озек. Под руководством Деревянко грузы перегружались на автомобили и перебрасывались через пустыню Гоби и перевалы Тянь-Шаня. Это был страшный путь длиной в три тысячи километров. Летом жара до сорока градусов опаляла убогую, в песке и зарослях колючки, землю. Зимой температура опускалась до минус пятидесяти под напором непрерывных метелей. Сила ветров была такова, что сносило юрты, крыши домов. Чтобы выстоять, верблюдам приходилось поворачиваться хвостом навстречу буранам. Ещё падал град, который убивал баранов, если они оказывались под открытым небом. А теперь представьте себе наполненные оружием грузовики, которые пересекают пустыню, проходят горы, взбираясь на высоту до шести тысяч метров.

Скромный капитан отвечал не только за перегрузку грузов, но и за доставку их на место. Приходилось следить за состоянием многокилометровой трассы. Чтобы шофера выдерживали такие походы, он организовал пункты обогрева, где люди могли прийти в себя от жары или холода, выпить чай, заправить горючим свои машины, просто отдохнуть. По окрестностям шастали банды, охочие до военного снаряжения. Для отражения их атак приходилось держать хорошо вооружённую бригаду, в распоряжении которой были даже самолёты. Кузьма Николаевич превратил свой домик на базе в штаб с радиостанцией, откуда управлял доставкой грузов и людей. Через него перетекали в Китай и обратно в Союз наши «добровольцы»: лётчики, советники, танкисты. Деревянко, который держал руку на пульсе этих процессов, был не простым армейским капитаном. Он был резидентом ГРУ по Синьцзяну.

Его командировка в Сары Озек завершилась, можно сказать, блестяще. В тысяча девятьсот тридцать восьмом году в Кремле «всесоюзный староста» товарищ Калинин вручил ему орден Ленина. Его повысили в звании до майора и назначили на должность начальника отдела ГРУ.

Вместе с сыном после награждения Кузьма Николаевич прогулялся по Красной площади.

День был майский, прекрасный. Светило яркое солнце. Люди оглядывались на высокого, статного военного с редким в то время орденом на груди. Он держал руку малыша и счастливо улыбался.

В жизни часто так бывает. Из света переходишь в тень. Для Деревянко она, тень, была слишком густая. Он не выдержал и взмолился. Своё мрачное состояние он обсказал в письме на имя К. Е. Ворошилова, наркома обороны:

«Дорогой Климент Ефремович! Подобные письма – зло, нарушение порядка, помеха в работе и крайняя мера. Отлично понимая это, я всё же решил обратиться непосредственно к Вам, так как другого выхода из созданного для меня положения не вижу. Юридически – я начальник 12-го отдела РУ; фактически – «безработный», получающий свыше двух тысяч руб. денег и вот уже четыре с половиной месяца ничего общественно полезного не делающий. Правильнее было сказать, не живущий, а существующий... Командование РУ ничего не требует и ничего не обещает; не хвалит и не ругает; не отчисляет и работы не даёт; подозрений и сомнений не обнаруживает, но и доверия не оказывает... Подобное положение считаю недопустимым и издевательским. Оно гнетёт, лишает всяческих прав и оскорбляет меня, как командира, как члена партии, гражданина Великой страны... Быть живым трупом около пяти месяцев и сознавать это не так легко, как представляют себе некоторые бездушные, живущие ещё трупы, оказавшиеся у руководства РУ...»

Смело, чересчур смело! Ведь Кузьма Николаевич намекает на самого Ивана Владимировича Ильина, начальника политотдела ГРУ, который по отношению к нему не мычит, не телится, что-то держит молча в себе.

Иван Владимирович «придерживал» серьёзную тайну. В тридцать восьмом году арестовали маршала Блюхера за провал операции на озере Хасан, где японцы очень серьёзно потрепали наши дальневосточные войска. Специальная комиссия под руководством Сталина, Ворошилова, Молотова скрупулёзно искала причины поражений. Изучала и окружение маршала. В поле зрения в этой связи попал Деревянко, который общался с Блюхером в Китае. Маршал в начале тридцатых годов был главным советником Чан Кайши и сбивал его армию для отпора японцам. За обычными служебными отношениями арестованного и разведчика члены комиссии ничего подозрительного не увидели. Девятнадцатого

апреля одна тысяча девятьсот тридцать девятого года появилась положительная аттестация майора К. Н. Деревянко, подписанная руководством РУ: «Волевой командир с большой склонностью к организационной работе. С работой вполне справляется. Хороший администратор, пользуется авторитетом. В личной жизни выдержан. Политически и морально устойчив. Должности вполне соответствует. Изучает английский язык. Дальнейшее использование более целесообразно на разведывательной работе в войсках или в аппарате РО округов... Может командовать полком. В военное время также может быть использован на строевой командной работе или в органах разведки».

После такой отличной характеристики Деревянко мгновенно исчез из поля зрения родных и даже коллег, но тут же вынырнул на финляндском фронте уже в качестве добровольца и начальника штаба особой лыжной бригады, которая каталась по тылам финнов, вела боевую разведку. Сохранилась фотография Деревянко тех лет. Настоящий лесовик, с усами и бородой, одетый в тёплую меховую куртку. Такое впечатление, что он только что вернулся с лыжной прогулки по лесу и не успел переодеться.

Война с финнами на первых порах для нас оказалась в высшей степени неудачной. Первый план кампании разработал талантливый генштабист с дореволюционным стажем Борис Михайлович Шапошников. Как напишет позднее маршал Василевский: «Генеральный штаб исходил из имеющихся в его распоряжении данных о составе и боевой готовности данных финляндской армии, природных особенностях советско-финского театра военных действий, о системе инженерных укреплений на нём, о мобилизационных возможностях Финляндии и той помощи, которую она могла бы получить от капиталистических держав».

Словом, Шапошников предлагал вести с финнами серьёзную войну. Это не устроило шапкозакладателей в Военном совете страны. Их мнение выразил, как всегда, очень образно гениальный Хрущёв: «Надо громко сказать, и они поднимут руки. А если не поднимут, выстрелить из пушки. Тогда обязательно поднимут!».

Сталин предложил командующему войсками Ленинградского военного округа командарму второго ранга Мерецкову разработать новый, облегчённый вариант плана прикрытия границы при возникновении конфликта. Он и был принят.

Когда начались боевые действия, они показали полную неготовность РККА воевать в лесистых, заснеженных условиях. Финны развязали эффективную минную войну, что явилось неприятным сюрпризом для нашего командования. Красная армия оказалась неготовой и к массовой снайперской войне. Меткими выстрелами «кукушки» с деревьев выбивали наступающих. Две дивизии попали в окружение и практически были уничтожены, а их командиры попали под трибунал и были расстреляны перед строем.

Ещё одна трагедия потрясла весь фронт. Наша бригада броневиков оказалась в плотной ловушке без снарядов, горючего, продуктов питания. Начался голод. Окружённым в конце концов удалось вырваться. Машины с экипажами вышли, а командиры (комбриг, комиссар, начальник штаба) остались в землянке и застрелились, боясь трибунала, который без особого разбора в то время штамповал только один приговор, самый суровый.

Деревянко прибыл на фронт в разгар бездарного наступления.

Командующий армией сказал ему:

– Кузьма Николаевич, мы похожи на слепых котят. Толкаемся носом то в одну, то в другую сторону и получаем хорошие тумачи. Мы совершенно не знаем возможностей противника, не знаем особенности организации, вооружение и тактические приёмы финской армии. Ведём войну фактически вслепую.

Разведчик слушал генерала и думал о живучести умения русских наступать на собственные грабли. Ему вспомнились бои на озере Хасан. Тогда нашим подразделениям выдали карты, изготовленные органами НКВД для... туристов, где настоящий рельеф местности не соответствовал обозначениям. Танки рвались на сопки, а попадали в болота, в которых вязли и тонули. Японцы расставили артиллерию на вершинах сопки и прямой наводкой оттуда разрушали снарядами технику. Неимоверными усилиями 42-я дивизия отжала врага, применив мощные бомбы.

Военный совет расформировал управление Дальневосточного фронта, командующего, героя Гражданской войны Василия Константиновича Блюхера, снял с должности и приказал арестовать за неумелую организацию операции.

Теперь история конфликта на озере Хасан в гораздо более худшем варианте повторялась в Финляндии. Наши войска упёрлись в несокрушимую линию Маннергейма. Торкнулись в одно,

другое место. Посмотрели на бетонные сооружения в гранитных скалах и поняли, что нахрапом финнов не возьмёшь.

Решили передохнуть и более основательно подготовиться к войне с крохотной державой. Наступило временное затишье. В этот момент на фронт и прибыл Деревянко, которого назвали добровольцем, видимо, для маскировки. Перед ним была поставлена задача: провести глубокую разведку, узнать всё о финской армии и, конечно, вызнать характер укрепрайона по линии Маннергейма.

За дело разведчик взялся профессионально, благо, что у него уже был опыт, накопленный в пустыне Гоби. По его инициативе создали особую лыжную бригаду из спортсменов. Кузьма Николаевич сам побывал в Ленинградском институте физкультуры имени Лестгафта, подобрал способных ребят. Он поставил командовать одной из групп Владимира Андреевича Мягкого, мастера спорта, чемпиона СССР в лыжных гонках на дистанции двадцать километров. Талантливый спортсмен оказался отличным, умелым и самоотверженным командиром. С бойцами ходил в тыл к финнам, брал «языков», приносил ценные разведывательные сведения.

Удача не всегда сопутствовала ему. Однажды группа была обнаружена и приняла бой, но сумела под прикрытием Мягкого вырваться из кольца и вернуться к своим. Шестого марта тысяча девятьсот сорокового года разведчики попали в засаду у города Кухмо. В бою командир был тяжело ранен. К нему на помощь с другой группой бросился сам Кузьма Николаевич. Его бойцы уничтожили финнов. Мягкого, к сожалению, погибшего, и раненых вынесли к своим. Владимиру Андреевичу посмертно присвоили звание Героя Советского Союза и его именем назвали стадион, где он когда-то тренировался.

Оперативные придумки Деревянко не знали границ. Для своей работы он использовал даже боевых... лосей. Оказывается, были такие на финской войне. Представьте картинку: на заснеженной поляне отдыхает группа диверсантов. Полное спокойствие. Русские далеко, где-то за тридцать километров. Даже не слышно звуков выстрелов. И вдруг поляна взрывается треском ветвей. Из кустов вываливаются лоси с пулемётами на рогах. От ужаса перед такой неожиданностью диверсанты даже не сопротивляются, не притрагиваются к оружию, поднимают руки.

Вскоре они оказываются в штабе Деревянко и дают показания.

Кузьме Николаевичу удалось с помощью своих лыжников, лосей и агентуры вскрыть полностью оборону противника. На втором этапе войны подразделения Красной армии наступали с открытыми глазами, знали, куда и как бить. К линии Маннергейма подвезли двухсотпятидесятиметровые орудия и, прорубив «просеку», вышли к Хельсинки. Тут финны и запросили мира, согласившись на все условия русских. По результатам кампании Деревянко наградили орденом Красной Звезды, досрочно присвоили звание полковника.

Он стал заместителем начальника отдела разведки Прибалтийского особого военного округа, который держал под прицелом Северную группу немецких войск в Пруссии. Туда по заданию командования отправился Деревянко. Большая война уже стояла на пороге страны. Немцы открыто накапливали силы по периметру наших границ. Очень мощный кулак сжимался на Севере, готовый ударить в сторону Ленинграда.

Недавно мне пришлось прочитать книгу историка Олега Козинкина «Кто проспал начало войны?». Он цитирует немецкого автора К. Типпельскирха, который анализирует действия Прибалтийского особого военного округа, и отмечает: «Войска противника под командованием маршала Ворошилова с самого начала имели глубоко эшелонированное расположение... Очевидно, противник был осведомлён о большом сосредоточении немецких соединений в Восточной Пруссии. Уничтожение крупных сил противника, как это намечалось, не было осуществлено...» Вот такое косвенное признание заслуг Деревянко, который как раз и вскрывал сосредоточение немецких соединений.

После Пруссии Кузьма Николаевич стал начальником отдела разведки Северо-Западного фронта и с первых дней войны провел ряд успешных операций против врага, наиболее яркой оказалась в районе Старой Руссы.

* * *

Штаб Северо-Западного фронта передислоцировался в Вологду. Военное положение угрожающе накренилось не в нашу пользу. Немецкие танковые клинья оторвали уже Прибалтику и целились в сторону Ленинграда. Ставка Верховного главнокомандования отправила молодого талантливого генерала Николая Фёдоровича Вату-

тина, того самого, который вместе с Жуковым двадцать второго июня сорок первого года подписал директиву о повышении боевой готовности военных округов. До войск она фактически не дотянулась. Война для них стала неожиданностью, привела к тяжелейшему поражению Красной армии. Но уже с этим разбирался лично Сталин. Ватутину же приходилось отводить войска на Валдайскую возвышенность, обеспечивая целостность фронта между Москвой и Ленинградом. Над этим он ломал голову, когда к нему зашёл Деревянко.

Николай Фёдорович поднялся из-за стола, пожал руку своему заместителю по разведке. Оба хорошо знали друг друга ещё по академии имени Фрунзе, хотя учились на разных факультетах. Потом обоим разбросало по разным работам. Ватутин стал заместителем начальника Генерального штаба по оперативным вопросам. На Северо-Западный фронт прибыл уже стратегом, так называли начальников штабов. Первым делом стал подбирать себе командующего разведкой. Его внимание сразу остановилось на Деревянко. О великолепной работе того в Финляндии, а затем в Пруссии много говорили штабисты. Теперь на его сводках держался весь Северо-Западный фронт.

Ватутин попросил адъютанта позаботиться о чае. Север заставлял людей прогревать себя изнутри, если не водкой, что тоже случалось, то горячей, настоящей на листьях растений водой. Времени у каждого собеседника было в обрез, и всё-таки оба задержались за чаепитием.

– У меня для немцев большущий камень в пазухой, – сказал Деревянко.

– Выкладывая!

Кузьма Николаевич ткнул пальцем в район Старой Руссы на карте:

– Вот здесь немцы соорудили фильтрационный лагерь для красноармейцев. Там сбили несколько тысяч. Охрана слабая. Я считаю, что надо туда совершить рейд, освободить ребят и вернуть в расположение наших войск.

Это идея так вдохновила Ватутина, что он поднялся из-за стола, подошёл к окну, посмотрел, что творится за стеклом. А там по небу бежали синие облака, ветер гнул и трепал ветки деревьев. На улице было неуютно, холодно. Генерал поёжился невольно. «Вот местность, где бог забыл отделить небо от земли», – подумал он, повернулся к разведчику, который допивал чай.

– Сегодня же начинай операцию, если продумал! – уже приказал Ватутин

– Даже наметил маршруты.

– Тогда с богом!

Деревянко усмехнулся. С этими словами в церковноприходской школе воспитанники даже спать ложились, перекрестившись. Ватутин в детстве тоже начинал с начального религиозного образования.

Вернувшись к себе, полковник вызвал своего заместителя майора Коренева.

– Кто у тебя топтал дорогу в Старую Руссу?

– Сержант Воробейкин.

– Как он?

– Всю ночь охотился за «языком». Теперь отсыпается.

– Буди! Сегодня он поведёт нас к Старой Руссе.

Об этом своём рейде Деревянко уже после войны рассказывал в воспоминаниях.

По боевой тревоге он поднял батальон Со-снина. По его команде солдаты взяли дополнительно оружие, патроны и незаметно вышли к краю обороны возле просторного болота. Оно было в камышах, кочках, редких деревьях. Сверху покрыто густой пеленой ночного тумана. Разведчики Воробейкина первыми прошли болото и бесшумно сняли несколько немецких постов, потом криками филина сообщили, что путь свободен. Батальон, соблюдая все предосторожности, без шума просочился на другой берег. Тут уже была великолепная маскировка. Пихты стояли непроницаемой, непроглядной в сгустившейся ночи стеной. Впереди шли разведчики, подсвечивая путь фонариками, а уже за ними вплотную двигались остальные бойцы. К утру батальон выдвинулся к лагерю. Было видно, что он временный. Колючая проволока окружала большущее поле, где под открытым небом грудились в разных позах люди. Кто сидел, кто лежал, кто ходил под приглядом пулемётов и малочисленных автоматчиков. Чувствовалось, что красноармейцев тёплыми взяли на полях сражений и пригнали сюда, чтобы потом отправить дальше в концлагерь.

Деревянко приказал разведчикам бесшумно снять часовых, уничтожить остальных в караульном бараке. Коренев и Воробейкин со своими ребятами великолепно «поработали» ножами. Немцы не смогли воспользоваться оружием. После того как с ними было покончено, батальон вошёл в лагерь. Солдаты были в красноармей-

ской форме, с винтовками. Пленные, когда поняли, в чём дело, обрадовались, стали обнимать освободителей, многие получили оружие. После этого отряд, который насчитывал свыше двух тысяч человек, открыто двинулся к нашим позициям. И снова разведчики были впереди. Они умело и бесшумно устраняли препятствия. Перед нашими позициями красноармейцы смелой атакой дружно смяли передовую немцев и беспрепятственно прорвались к своим.

Этот рейд наделал много шума не только на Северо-Западном фронте, но и в Москве. Факт такого массового освобождения советских военнопленных в сорок первом году, да ещё в тылу врага, стал в истории Великой Отечественной войны единственным. Через пять лет Деревянко повторил свой опыт в советско-японской войне, правда, вместе с американцами. Под его руководством была осуществлена разработка планов по освобождению Мукдена, где японцы держали английских и американских военнопленных. Когда на линкоре «Миссури» генерал Деревянко, расправив грудь, в тёмной форме морского офицера подходил строевым шагом к столу, чтобы подписать Акт о капитуляции Японии, американские моряки в благодарность за освобождение устроили ему бурную овацию и стали бросать вверх шапочки. Как говорится, вышли за рамки протокола.

За операцию по освобождению красноармейцев из фашистского плена под Старой Руссой Деревянко наградили орденом Красной Звезды. А вскоре оценили его полководческое искусство, когда он в оккупированный немцами Дедовенческий район Псковщины забросил группу чекистов. Посланцев Деревянко облепили мгновенно местные жители. Создалась партизанская бригада, которая оседлала железную и шоссейные дороги. Немцам пришлось с ней бороться. Они не могли свободно подвозить свои грузы к осаждённому Ленинграду. И немалые силы, до двадцати четырёх тысяч солдат, бросили против партизан. На громадной территории в двадцать четыре тысячи квадратных километров Деревянко удалось вернуть советскую власть, которую население с оружием в руках защищало от захватчиков. За умелое управление партизанским краем по ходатайству Василевского и Ватутина ему досрочно присвоили звание генерал-майора и назначили начальником штаба 53-й армии. Он стал не только выдающимся разведчиком, но и стратегом.

Свои зубы в новом качестве попробовал под Демянском. Это было самое обширное сражение на северном направлении во второй половине сорок второго года. Северо-Западный фронт, в который входила 53-я армия, вколотил до ста тысяч немцев в Демянский котёл на восемь месяцев. Жалкие остатки их потом всё-таки выбрались из окружения, хотя и нашим досталось. Монахиня Адриана, свидетельница тех событий, вспоминает в своих записках:

«В результате неудачных действий в частичном окружении оказалась часть 1-й ударной армии, в составе которой действовала наша дивизия. Мы были отрезаны от основных магистралей, снабжавших нас всем необходимым, сразу же ощутили нехватку продовольствия. Делились друг с другом всем, что оставалось в карманах.

К счастью, осада длилась не очень долго. Наши войска ослабили «клещи» немцев и даже потеснили их.

В более тяжёлой ситуации оказалась бригада, которую направили внутрь кольца окружения, чтобы она из тыла добивала немцев. Поскольку операция с окружением провалилась, эта бригада фактически была обречена на гибель. Командование о ней как бы забыло. Вспомнили уже весной, когда они неожиданно подали о себе знак.

В мае сорок второго года наша часть получила задание вывести остатки бригады. Сформировали группу, в которую вошла я, и отправили за линию фронта.

Увиденное потрясло нас: горы трупов! В живых от всей бригады осталось только восемь человек. Мало сказать, что голодные и оборванные, они были совершенно одичавшие. Помимо того что немцы выслеживали их по лесам, ещё местное население наших солдат не принимало: это грозило жесточайшей карой. У них закончились патроны, батареи у радиоприборов. Истрепалась одежда. Уже шла весна, а на них остатки валенок и теплой формы, ведь предполагалось закончить операцию зимой. Этим восьмерых нам удалось вывести живыми».

Замечу, группу для спасения красноармейцев бригады умело организовал Деревянко. У него с финской уже был недюжинный опыт спасателя попавших в беду красноармейцев. После Демянска жизнь Кузьмы Николаевича покати-лась по дорогам войны от одного грандиозного сражения до другого.

75

За блестящие и умелые операции ему в сорок с небольшим лет присвоили звание генерал-лейтенанта и в сорок пятом году перебросили на... дипломатический фронт, назначив членом Союзного Совета при Австрии. В разгар работы в Вену приехал сын. Отец сразу же загрузил его ответственным поручением. Отправил на городское кладбище и попросил положить цветы на могилы его любимых композиторов Шопена, Бетховена, Моцарта. Парень так и не нашёл место успокоения последнего и очень огорчился. Он не знал, что Моцарта похоронили на кладбище Святого Марка. У Кузьмы Николаевича тоже не оказалось времени съездить туда. Он получил новое назначение на Дальний Восток, где готовилась, а затем разгорелась война с японцами.

Генерал занимал отдельное купе в поезде. Он, как барсук, натаскал сюда всё что можно: книги по истории, географии, этнографии народов Китая, Приморья, Японии. Главное же, на столике рядом с полкой, где спал Деревянко, днём и ночью красовался толстенный японский словарь, изданный ещё до революции. Впервые Кузьма Николаевич познакомился с ним в школе красных старшин, потом не расставался даже на войне. Словарь тянул его к себе, словно магнит. Нет-нет да откроет книгу на сон грядущий, полистает, подпитается чужими словами. Генерала почему-то никогда не оставляло чувство, что жизнь его обязательно поставит в условия, когда знание японского языка пригодится. И вот этот момент, кажется, стремительно приближался.

Деревянко глянул в окно. За стеклом проплыло двухэтажное кирпичное здание, на котором трепетал флажок. «Наверное, военный комендант в нём сидит», – подумал Кузьма Николаевич. Поезд замедлял ход, показывая, что приближается станция.

В дверь постучали. Деревянко закрыл словарь, поднялся, застегнул китель.

– Войдите! – разрешил он.

Дверь откатилась влево.

В проёме показался высокий офицер с полковничьими погонами. Козырнул, представился:

– Военный комендант!.. Товарищ генерал, вам приказано сойти в Чите...

Получив разрешение идти, полковник развернулся и вышел из купе, закрыв за собой дверь. Деревянко посмотрел на ручные часы. До Читы оставалось ещё минут десять. Пора собираться. Достал из-под нижней полки просторный кожаный чемодан, купленный в Австрии, и стал

аккуратно набивать его книгами, освобождая полки. Последним ушёл толстый словарь.

Руки двигались, а голова была занята совсем другими заботами. Ему не понравился приказ с бухты барахты сойти с поезда на половине пути. Не связан ли он с предстоящим арестом? Во время войны ни один генерал не ощущал себя в безопасности от спецслужб. Василевский как-то под Сталинградом рассказывал ему, что, отправляясь по новому назначению, успокаивал домашних, наказывал, что делать, если он вдруг... исчезнет.

Высокопоставленных воителей арестовывали особенно искусно, когда человек совершенно не подозревал о своей незавидной судьбине. Командующий Киевским военным округом Якир до войны преспокойно ехал в Москву на обычное совещание. Ночью его вагон незаметно отцепили от курьерского поезда на станции, отгнали в тупик. Там уже в купе зашли трое серых, так называли сотрудников спецорганов. Ловко достали пистолет из-под подушки и объявили об аресте. Командующий окончательно пришёл в себя уже перед расстрельной стенкой. Суд и всё остальное было для него как в тумане.

В тридцатых годах генералов начинала бить дрожь от вызовов в Москву. Деревянко никогда не забудет Локтинова, командующего Прибалтийским особым военным округом, и корпусного комиссара Сусаинова. Перед самой войной обоих пригласили в столицу на совещание, которое проводил нарком Тимошенко. Генералы, зная за собой большие и малые грешки, так перепугались, что срочно «заболели», отказались ехать в Москву. Истинная причина очень быстро выявилась. «Заболевших» освободили от занимаемых должностей, чему они несказанно обрадовались. Генералы видели, что вот-вот начнётся война. Кому хочется подставлять свою голову под топор?

После возвращения с трассы Z Деревянко покорчился от огня подозрений. В партком ГРУ вдруг потекли со всех сторон доносы на него. «Писатели» неумоимо открывали многочисленные прегрешения родственников Кузьмы Николаевича по линии отца. Двое его братьев были расстреляны за участие в бандах во время Гражданской войны. Вспомнили, что дядя Родион погиб в бою с красными на станции Христиновка в девятьсот девятнадцатом году. Донесли, что отец Николай Кириллович был кулаком, помогал бандитам продуктами и лошадьми. Но главное,

он поставил у себя мраморный забор, который колот глаза односельчанам и проверяющим. Никто не обращал внимания на то, что забор представлял собой четыре камня, обтёсанные и поставленные Николаем Кирилловичем «на попа». Но слово «мраморный» в доносах производило впечатление. Проверяющие ходили вокруг камней, обглаживали их ладонями, даже пробовали на язык. Потом собранные и запротоколированные факты, как леденцы из кулёчка, вывалили на партийном собрании главного разведывательного управления.

Обвиняемый, словно рыцарь, отбивался мечом честности и порядочности, давая обстоятельные объяснения по каждой претензии, но, главное, он выяснил, кто явился организатором доносов. Сам начальник политотдела ГРУ генерал Ильичёв! С таким высоким должностным лицом Деревянко не под силу было тягаться. От отчаяния написал письмо Ворошилову. После этого от Деревянко отстали, дали положительную характеристику, которую я уже приводил, и как благо отправили на финский фронт.

Говорят, не рой яму другим, сам можешь туда угодить. На политрука Ильичёва какой-то чересчур бдительный сотрудник управления тоже наката донос. Генералу пришлось предпринять титанические усилия, чтобы отмазаться. Сам Сталин сказал ему: «Мы знаем, что вас исключили из партии. Партия ошиблась, партия исправляет эту ошибку». Но с должности генерала всё-таки сняли. В сентябре сорок пятого года в Оттаве сбежал шифровальщик Игорь Гузенко. Провал был колоссальным. Шифровальщики обычно знают всё. Многие агенты были арестованы или срочно выехали в СССР. Сталин назначил партийную комиссию для расследования грандиозного ЧП. Жизнь Ильичёва повисла на волоске. Комиссия во главе с Маленковым и Берией жаждала горячей крови, а он, теперь уже начальник ГРУ, в очередной раз ждал ареста. Его спасло только то, что ещё до побега он потребовал срочно отозвать Гузенко в Москву, ибо тогда стал сомневаться в его благонадёжности. И вождь засчитал этот факт в пользу Ильичёва. Однако тому всё же пришлось уйти из ГРУ, из армии. Сталин в ходе последней встречи сказал: «Лично к вам я претензий не имею, но попробуйте поработать на дипломатическом поприще». Так началась у генерала более спокойная и предсказуемая дипломатическая карьера. С Деревянко он уже не общался, больше не пересе-

кались пути генералов. Кузьма Николаевич называл бывшего шефа заиндевевшим трупом. И вот теперь ему показалось, что Ильичёв откуда-то из склепа снова протянул к нему костлявую руку. Брррр! Неприятно до дрожи!

С тяжёлым, загруженным научной литературой чемоданом он вышел из вагона и сразу же увидел на перроне читинского вокзала знакомого генерал-полковника Семёна Павловича Иванова, бывшего начальника штаба 3-го Украинского фронта, с которым отвоевал последние полтора года.

Старый товарищ был необыкновенно доброжелательно настроен. Обнял Кузьму Николаевича и потащил к чёрной машине:

– Поедем! Василевский ждёт нас!

Тревога, страхи сразу испарились. Стало понятно: неожиданный приказ сойти на половине пути не связан с арестом. Генерал-полковники этой работой не занимаются, хотя... не пройдёт и десяти лет, как по наущению Хрущёва некоторые маршалы во главе с Жуковым явятся в Кремль брать под белы ручки министра внутренних дел маршала Лаврентия Павловича Берия. Как говорится, в жизни всё бывает! Нельзя ни за что ручаться. Но сегодня, видно, ещё не вечер.

77

Кузьма Николаевич преспокойно забрался в машину, которая резво тронулась. Помчались по широким улицам мирного сибирского города.

Как переменчива всё-таки судьба военного! Ещё две недели назад Деревянко гулял по Вене, заседал в Союзническом совете по Австрии. А потом вдруг назначение на Дальний Восток, короткий наскок в Косиновку, трогательная встреча с близкими. Рассказы селян о жизни «под немцами». Мать и отец все эти годы оставались на оккупированной территории. Слава богу, кошмар для них кончился ещё в сорок четвёртом году. Так тяжело было расставаться с родителями, но служба есть служба. Вот теперь новый поворот. Куда он выведет, на какие просторы?

Кузьма Николаевич заикнулся о будущем, но генерал-полковник ушёл от ответа:

– Василевский всё скажет!

И спросил, как Деревянко провёл время на Украине.

– Хорошо! Мать такой борщ варила, что от одного запаха можно было с ума сойти и проглотить ложку от удовольствия, – сказал Кузьма Николаевич.

Подъехали к группе казённых кирпичных зданий. Генерал изготвился увидеть мощную

охрану. Всё-таки здесь работает штаб командования Группы войск на Дальнем Востоке.

Ничего подобного! Не было даже бронированной техники. Только у входа в главное здание прогуливался солдат с винтовкой. Увидев генералов, он замер, вытянулся и даже не стал спрашивать пропуск. Впрочем, вольность часового можно было понять. Семён Павлович, наверное, раз по десять проходит перед ним. Не будешь же каждый раз у генерал-полковника требовать бумагу.

Кабинет командующего находился на втором этаже. В приёмной сидели молодая женщина-сержант, за пишущей машинкой, и полковник, похожий на еврея.

Он встал, козырнул и показал рукой на дверь:
– Проходите! Командующий ждёт вас!

Генерал-полковник пропустил вперёд Кузьму Николаевича, что очень удивило того. Деревяanko был по званию младше. Где-где, а в армии субординация строго соблюдалась. Обер «давит» унтера. А тут вдруг ни с того ни с сего обер даёт дорогу унтеру, как своему начальнику. Явно атмосфера вокруг него изменилась. К худу или добру?

Кузьма Николаевич набрал в грудь воздуха, шагнул в кабинет командующего Группы войск на Дальнем Востоке. Здесь продолжились метаморфозы. Василевский вышел из-за стола, протянул руку, не дослушав рапорта. Он выглядел постаревшим. Живот рвал спереди тесный китель, волосы побелели, но взгляд по-прежнему был молодым, цепким, сильным. Кузьма Николаевич считал маршала гениальным полководцем. Он распланировал все крупнейшие и победоносные операции Великой Отечественной войны, которые потом называли «десятью сталинскими ударами». Даже приказ о наступлении Красной армии под Москвой в сорок первом году подписал вместе со Сталиным.

– У меня новость для тебя, – сказал Александр Михайлович, открыл сейф, достал оттуда красную папочку и протянул Деревянко. – Вот, читай! Телеграмма Сталина.

Кузьма Николаевич ошеломлённо смотрел на маршала через стол. Чтобы ему, малоизвестному генералу, которых сотни в армии, Верховный главнокомандующий лично направил послание? Какое грандиозное событие должно было произойти, чтобы это случилось? Уже потом он узнал о переговорах президента Соеди-

нённых Штатов и Верховного главнокомандующего. Трумэн направил Сталину телеграмму: «Предлагаю, чтобы генерал армии Дуглас Макартур был назначен Верховным главнокомандующим. Прошу вас немедленно сообщить мне о назначении Вами представителя».

Сталин спросил Молотова, который и принёс ему послание из-за океана:

– Кто из наших генералов дружит с иностранными языками? Кто из них в азиатских делах разбирается? Кто китайца от японца может отличить, если они перед ним выстроятся в одинаковой одежде?

Молотов глубокомысленно промолчал. Он не мог назвать имя такого генерала. Тогда Иосиф Виссарионович подошёл к телефону внутренней связи:

– Поскрёбывшев, принеси мне личное дело генерала Деревянко и соедини меня с Жуковым и Василевским.

«12 августа. Строго секретно. От генералиссимуса Сталина президенту Соединённых Штатов. Представлять Советское командование назначен генерал-лейтенант Деревянко, которому даны все инструкции».

Кузьма Николаевич прочитал телеграмму за подписями Сталина и начальника Генерального штаба Антонова. Генерал Деревянко назначался представителем Главного командования Советских войск на Дальнем Востоке при генерале Макартуре. В связи с этим он поступал в непосредственное подчинение маршала Советского Союза А. М. Василевского.

Командующий вложил листок с текстом сно-ва в красную папку и сказал:

– На вас возлагается задача по координации наших действий и действий союзников. Макартур уполномочен подписать условия капитуляции Японии. Надо будет участвовать во всех без исключения переговорах союзников с японцами. Обо всём докладывать мне, а копии пересылать Антонову в Генеральный штаб.

Вот это ответственность!

...Больше всего Кузьму Николаевича пора-жало внешнее сходство командующего со свя-щеннослужителем. Сними с него мундир, надень рясу и дай в руки крест – настоящий поп!

Александр Михайлович в самом деле проис-ходил из церковной семьи. На этот счёт у него даже состоялся разговор со Сталиным перед войной. Вот как об этом вспоминает сам Васи-левский в своей книге «Дело всей жизни»:

78

«Минут через 45 после того, как я прибыл в Генштаб, мне позвонил А. Н. Поскребышев и сообщил, что меня ждут в Кремле к обеду. Быстро закончив дела, я через несколько минут уже сидел рядом с Борисом Михайловичем (Шапошниковым) за обеденным столом. Один из очередных тостов И. В. Сталин предложил за моё здоровье. И вслед за этим задал мне неожиданный вопрос: почему по окончании семинарии я не пошел в «попы»? Я, несколько смутившись, ответил, что ни я, ни отец не имели такого желания, что ни один из его четырёх сыновей не стал священником. На это Сталин, улыбаясь в усы, заметил:

– Так, так! Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймём до сих пор.

Беседа на этом не закончилась.

– Скажите, пожалуйста, – продолжал он, – почему вы да и ваши братья совершенно не помогаете отцу? Насколько мне известно, один ваш брат – врач, другой – агроном, третий – командир, лётчик и обеспеченный человек. Я думаю, все вы могли помогать родителям...

Я ответил, что с двадцать шестого года повзрвал полную связь с родителями. И если бы поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах нашей партии, но едва ли бы служил в рядах Рабоче-Крестьянской армии. В подтверждение я привёл следующий факт. За несколько недель до этого впервые за многие годы я получил письмо от отца. (Во всех служебных анкетах, заполняемых мною до этого, указывалось, что я связи с родителями не имею.) Я немедленно доложил о письме секретарю своей партийной организации, который потребовал от меня, чтобы впредь я сохранял взаимоотношения с родителями в прежнем порядке.

Сталина и членов Политбюро, присутствующих на обеде, этот факт удивил. Сталин сказал, чтобы я немедленно установил с родителями связь, оказывал бы им систематическую материальную помощь и сообщил бы об этом разрешении в парторганизации Генштаба.

Надо сказать, что через несколько лет Сталин почему-то вновь вспомнил о моих стариках, спросив, где и как они живут. Я ответил, что мать умерла, а восьмидесятилетний отец живёт в Кинешме у старшей дочери, бывшей учительницы, потерявшей во время Великой Отечественной войны мужа и сына.

– А почему бы вам не взять отца, а быть может, и сестру к себе? Наверное, им здесь было бы не хуже, – посоветовал Сталин».

Но и на этом история не закончилась.

После таких сталинских назиданий Василевский стал бывать у отца. Тот при каждой встрече благодарил его за помощь. Александр Михайлович недоумевал. Он не помогал материально отцу, не посылал денег ему. Ситуация прояснилась в конце войны. Однажды Сталин при встрече со своим гениальным полководцем достал пачку квитанций и отдал Василевскому. Тот внимательно изучил их дома и пришёл в крайнее изумление. Оказывается, Сталин отправлял личные деньги его отцу. Он соблюдал заповедь Иисуса: «Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собой, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди... У тебя, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая». Верховный главнокомандующий всё-таки был глубоко верующим не по форме, а по существу. Василевский, общаясь с ним в самые тяжёлые годы войны, убеждался в этом.

В Японии сам маршал неожиданно проявил свою духовную натуру. В Маньчжурии он встретился с отцом Феофаном, который заботился и сохранял могилы русских воинов, погибших в девятьсот четвёртом году на войне с японцами. Александр Михайлович так растрогался подвигом священника, что наградил его орденом Красной Звезды. Этот поступок произвёл большое впечатление на советских солдат.

На религиозную стезю Деревянко и Василевский «съехали» однажды на Курской дуге. Тогда были моменты, когда пальцы сами тянулись ко лбу, чтобы сотворить крестное знамение и попросить помощи у Бога. Перед наступлением немцев маршал смотрел оборонительные сооружения 53-й армии. Кузьма Николаевич сопровождал его. Лазали по траншеям, заглядывали в щели, под брустверные блиндажи. Когда ревизия закончилась, оба уселись на командном пункте.

Александр Михайлович снял фуражку, широкой ладонью пригладил мокрый чуб. Сложное путешествие по обороне армии настроило командующего на философский лад. Он вдруг спросил:

– Помнишь Откровение Иоанна Богослова? Из недр земли выбрался Зверь, посланец дьявола, и стал уничтожать людей. Из отверстия неба вышел Сидящий на белом коне со своим воин-

ством и уничтожил Зверя. Мы с тобой ратники Сидящего на белом коне, воюем с первым Зверем.

– А будет второй? – спросил Деревянко.

– Будет. Пророки в Библии не врут.

И оба генерала перекрестились. Василевский окончил полный курс семинарии, считай что получил настоящее церковное образование. Деревянко – только церковноприходскую школу. Но у него была отличная память. Он чуть не наизусть помнил Библию и пользовался её мудростью.

И сегодня напомнил Василевскому о давнем разговоре на Курской дуге. Александр Михайлович закивал, показывая, что тоже помнит о нём.

– Настало время нам сразиться и со вторым Зверем. Только теперь вам больше воевать пером и словом, чем командовать частями и соединениями. Помните, без моего особого разрешения никаких документов о капитуляции Японии не подписывать, от себя никаких обещаний не давать и на себя никаких обязательств не брать. Был у нас один умник в Берлине. На него американцы поднажали, он подмахнул акт о капитуляции немцев, а потом Сталину пришлось дезавуировать его подпись. Столько нервов это стоило всем нам. При переговорах о капитуляции следует иметь в виду, что капитулировавшим могут быть сохранены личные вещи, ордена. Условия содержания – в соответствии с международными соглашениями по этому поводу. Во время переговоров очень внимательно следить за всеми перемещениями японских войск и докладывать лично мне. К американцам тоже надо присматриваться. Совсем недавно они хотели прибрать город Дальний. Пришлось туда бросить наши войска на опережение и заставить союзников убраться подобру-поздорову. С ними приходится держать ухо востро. В любой момент могут какую-нибудь подлянку устроить. Вы, кажется, учились на Восточном факультете в академии? – неожиданно спросил Василевский.

– На разведчика.

– Вот и замечательно! Надеюсь, что своё новое задание выполните успешно.

Деревянко почувствовал, что инструктаж завершается, хотел подняться, но сдержался. Со старшими не принято в таких случаях торопиться. Сами дадут знак, когда надо откланяться. Наконец командующий поднялся из-за стола и на прощание протянул руку. Его пожатие было тёплым и крепким, стирающим официальную грань между генералом и маршалом. Кузьма Николае-

вич понял, что теперь он помощник Василевского по особым дипломатическим вопросам и будет работать на самостоятельном участке.

От командующего Кузьма Николаевич отправился к Иванову. Начальник штаба был не один. Перед ним с другой стороны стола примостился генерал-майор с белым кабинетным лицом и впалыми щеками. Глубокие ямки под скулами вызывали мысли о заболевании мужчины. На самом деле он был здоров как бык. Просто конструкция его тела не хотела носить лишний жир. Без остатка сжигала его подвижным образом жизни. Он даже сидя не давал себе ни минуты покоя. Двигал коленками, поднимал и опускал плечи, пощипывал кожу.

Начальник штаба кивнул на него:

– Познакомься, заместитель командующего Дальневосточной армией Григорий Павлович Кузнецов. Он топчется около Японии с сорокового года. Всё знает, всё ведаёт. От него узнаешь все тонкости «наших взаимоотношений».

Генерал-майор поднялся, протянул руку. «Не службист!» – решил Деревянко. Для него службизм был синонимом формализма, который он всей душой ненавидел. Как разведчик Кузьма Николаевич привык на войне выбирать дороги нехоженые и покруче, исходя из обстановки.

20

Хотелось бы отметить и умение Деревянко решать самостоятельно свои вопросы вдали от начальства. Своего свободного стиля работы Кузьма Николаевич придерживался и на фронтах Великой Отечественной войны. Если собрать все подвиги, которые он там совершил, получился бы Монблан. Чтобы их описать, потребовался бы не один роман. К сожалению, нашлась только племянница-журналистка, которая выпустила в свет небольшим тиражом мемуары Деревянко «Легендарный генерал». Сын Владимир Кузьмич издал о нём тонюсенькую книгу в Днепропетровске – «Солдат, генерал, дипломат». Вот, пожалуй, и всё. Между тем те, кто подписал Акт о капитуляции Японии, стали национальными героями у себя на родине и в мире. Мы знаем Жукова, который подписал Акт о капитуляции Германии, но не знаем Кузьму Николаевича, который поставил точку во Второй мировой войне. Его подвиги неизвестны для россиян. О них рассказывают пока лишь наградные листы, открытые интернетом.

Корсунь-Шевченковское сражение, в котором участвовал Деревянко как начальник штаба 4-й гвардейской армии, Сталин назвал по ожесто-

чённости вторым Сталинградом, где наши войска утопили десять германских дивизий в грязи, снегу и огне. «В условиях распутицы и бездорожья, – писалось в наградном листе, – Деревянко обеспечил управление войсками в данной операции, мобилизовав для этого все виды связи». Речь идёт о бое в районе села Шендеровка. Здесь немцы рвали кольцо окружения. От скопления войск создавались заторы, через которые не могли выбраться остальные войска. Деревянко удалось подтянуть к горловине, забитой вражескими орудиями, танками, пехотой дополнительные силы и закупорить немцам новые пути прорыва. «Сильный советский огонь из района Хильков не позволил многим машинам и повозкам, запряжённым лошадьми, уйти далеко от Шендеровки», – писали позднее германские источники.

Деревянко как главный «технолог» 4-й ударной армии, по мнению командования, обеспечил не только ликвидацию Корсунь-Шевченковской группировки врага, но и победу в Уманьско-Христиновской операции, августовский прорыв обороны противника в районе Кишинёва. Вывод командующего: генерал достоин ордена Суворова II степени. Наверху рассмотрели представление и решили, что Деревянко следует всё-таки награждать орденом I степени.

Воевал он, не жалея своего живота. Иногда приходилось брать в руки автомат и сражаться как рядовому бойцу. На озере Балатон в Венгрии власовцы прорвались к самому штабу армии. Выстрелы, взрывы гранат, танки. Все, кто был в штабе, во главе с начальником бросились отбивать атаку. Отбили! За разработку и проведение Балатонской наступательной операции Кузьму Николаевича наградили вторым орденом Ленина. К концу войны прибавились ещё ордена Кутузова и Богдана Хмельницкого. Он собрал фактически все высшие полководческие награды. В последний год войны ему присвоили звание генерал-лейтенанта и отправили на... дипломатический фронт. Там тоже нужны были нестандартно мыслящие ратники...

Семён Павлович провёл Деревянко в свою рабочую комнату:

– Поработай возле меня! Это будет удобно во всех отношениях. Сюда поступает самая свежая информация со всех фронтов. Ты можешь своими глазами увидеть всё это на картах, где отмечается движение наших и японских войск.

Не успел Деревянко глазом моргнуть, как перед ним на столе оказалась большущая гора папок и бумаг в рулонах.

– Помилуй! Когда же я твои наработки одолею? Василевский приказал восемнадцатого августа быть готовым к полёту из Хабаровска в Манилу. Остаётся всего лишь четверо суток.

– Согласен! Положение твоё, Кузьма Николаевич, сложное. Но мы своих в беде не бросаем. Я тебе дам толкового, знающего весь театр военных действий офицера. Могу предложить в помощь генерала, который служит на Дальнем Востоке семь лет.

– Кто таков?

– Василий Александрович Семёнов. Окончил, как и ты, военную академию имени Фрунзе. Командовал дивизией, корпусом. У нас его называют «теоретиком» за пристрастие к военной теории. Маршал пригласил его для подготовки материалов по второму этапу боевых действий.

– Хорошо! – согласился Деревянко. – Просмотрю общие сведения, а вечером буду рад с ним познакомиться и обсудить детали.

Кузьма Николаевич погрузился в разработки Генштаба. Чем больше изучал, тем крепче восхищался масштабом задуманных и проводимых операций. Одновременно боевые действия велись на суше и на море, в горах и пустыне. Авиация наносила удары по узлам дорог. Флот перерезал морские коммуникации Квантунской армии, нанёс удары с моря, с воздуха, по портам Северной Кореи, высадив морские десанты. За первые десять дней наши войска продвинулись вглубь Маньчжурии более чем на триста километров, сломив сопротивление основных сил Квантунской армии на всех операционных направлениях. Были созданы условия для разгрома группировки противника по частям. В каждой детали этой не имевшей в мире аналогов операции чувствовалось дыхание полководческого гения ратника Василевского.

Ошеломлённый Кузьма Николаевич поздно вечером приехал в гостиницу. Позвонил дежурному по штабу и попросил соединить с генералом Семёновым. Тут же услышал Василия Александровича. Оказалось, он остановился в этой же гостинице. Деревянко пригласил его к себе «на поговорить».

Вскоре в дверь постучали. В комнату вошёл невысокий, сухощавый генерал-майор.

Хозяин протянул ему руку:

– Устраивайтесь и чувствуйте себя как дома. Иванов сказал, что мы с вами земляки.

– Я – с Днепропетровщины.

– Я – из-под Умани. Даже не верится, что неделю назад был дома, в своей деревне.

– Как там после оккупации? Мне ведь об этом домашние почти ничего не пишут.

Кузьма Николаевич рассказал. Ничего хорошего, дескать. Но родственников не тронули. В Косиновке не оказалось предателей. Не выдали мать и отца, слава богу.

За разговором незаметно промелькнула ночь. Его прекратили яркие лучи солнца, которые пробилась сквозь занавеси на окнах. Договорились продолжить беседу в штабе, и гость ушёл в свою комнату досыпать. Кузьма Николаевич тоже прилёг. Старая походная привычка за несколько минут восстанавливать силы. Три часа вполне хватило, чтобы снова ощутить себя бодрым, готовым к новой работе.

В штабе с генералом Семёновым говорили о самых насущных делах. Деревянко многое узнал о Квантунской армии. Она насчитывала миллион солдат – колосс, слепленный из глины. Но вот новую «глину» японцам брать уже негде. Малая численность населения позволяла рекрутировать только подростков и старшее необученное поколение. Японцы кое-как собрали двести пятьдесят тысяч и этим ограничились. Сейчас американцы их бьют в хвост и гриву на море и в воздухе, а мы на земле. Японское командование обратилось к Василевскому с предложением прекратить военные действия. Главком сообщил в Москву, при этом отметил, что в обращении ни слова о капитуляции.

Маршал предложил командующему Квантунской армией генералу Ямаде с двенадцати часов двадцатого августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всём фронте, сложить оружие и сдаться в плен. Наша армия перестанет воевать, как только оружие окажется на земле. Теперь у японцев наметился только один выход, и они массово пошли по нему.

Двадцать второго августа сорок пятого года газеты опубликовали сообщение, о том, что представителем советских войск при генерале Макартуре назначен генерал-лейтенант Деревянко, который на днях прибудет в Манилу.

Перед отлётом в Манилу Кузьма Николаевич несколько раз встретился с Василевским. Разговоры были конкретными: уточнялся порядок связи, обговаривалось, кто из военных войдёт в

группу Деревянко. Остановились на двух кандидатурах – вице-адмирале Стаценко от ВМФ и генерал-майоре авиации Воронине от ВВС. Мужики обстоятельные, театр военных действий с моря, с воздуха знали вдоль и поперёк, но главное, это были военные с высокой культурой, знаниями иностранных языков.

Кузьма Николаевич познакомился с каждым из них. Получил о каждом собственные благоприятные впечатления. С этими ребятами, он посчитал, можно идти в разведку и к чёрту на кулички. Работа предстояла очень серьёзная. Перед группой была поставлена задача: после подписания Акта о капитуляции побывать в Хиросиме и Нагасаки, профессионально оценить последствия атомных бомбардировок союзников. Ещё хотелось взглянуть на останки центра бактериологического оружия. Деревянко знал, что в этот центр сумел проникнуть наш разведчик. Он погиб, но успел передать информацию о самом засекреченном японском объекте в Маньчжурии. Японцы так глубоко прятали его, что не позволяли даже своим самолётам пролетать вблизи. Рассказывают, были случаи, когда сбивали неосторожных пилотов. Ещё самураи создавали установку для запуска ракет со смертниками. Все подобные изобретения очень интересовали нашу разведку. Деревянко предстояло приоткрыть завесу над тайнами самураев, поэтому его помощником стал генерал-майор авиации.

Двадцать пятого августа сорок пятого года советская делегация из Хабаровска на пассажирском американском самолёте вылетела в Манилу. Хозяева заполнили до отказа воздушную трубу с крыльями, русским отвели почётное место возле кабины пилотов. Так получилось, что вице-адмирал устроился слева, генерал-авиатор справа. Оба сидели с невозмутимым спокойствием, особенно моряк. А вот лётчик слегка всё-таки нервничал. По тому, как разогнался и поднялся самолёт, он почувствовал профессиональный уровень пилотов, который не внушал ему особого доверия: рывки, слишком долго шли на бреющем полёте.

Полёт продолжался непрерывно десять часов тридцать минут, и совсем небезмятежно. Самолёт то и дело попадал в заградительный огонь японской зенитной артиллерии. То спереди, то сбоку обозначались вспышки разрывов, от которых машину встряхивало. Кузьме Николаевичу казалось, что его бросили на телегу, запряжённую горячими конями, и отправили по кочкам.

Первым не выдержал Воронин.

– Чего они рвутся напрямую! – рывкнул он.

Чувствовалось, что ему, лётчику-асу, хотелось забраться в кабину и взяться за штурвал.

Пилоты будто слышали его. Стали горячие участки огибать на большой высоте, отклоняясь от маршрута на десятки километров. В неудобном, опасном полёте прошла вся ночь. В одиннадцатый часов самолёт плюхнулся в аэропорту Манилы.

Только пассажиры спустилась с трапа, как оказались в галдящей толпе фоторепортёров. К Кузьме Николаевичу протиснулся полковник Ледер из штаба Макартура, представился. Дав фотожурналистам поработать, а нашей делегации ответить на короткие вопросы, увёл к удобной, просторной машине с мягкими сиденьями, покрытыми жёлтой кожей. Деревянко не приходилось ездить в подобном лимузине. Он слышал, что Макартур любит окружать себя комфортом. Рассказывали, что главнокомандующий лично смоделировал, а затем раскроил форменную куртку, к которой приспособил золотой жезл собственной конструкции. Этот человек старался быть оригинальным, ни на кого не похожим не только в одежде, но и в курительной трубке. Трубка у него была из специально обработанной кукурузы. Она свисала с мундштука, как флажок. Кузьме Николаевичу пришлось довольно длительное время проводить в тесном рабочем общении с Макартом, но к виду кукурузной сеточки, из которой непрерывно сочился дым, он так и не мог привыкнуть.

Чтобы завязать общение с полковником Ледером, Кузьма Николаевич, окидывая взглядом из окна каменные строения Манилы, спросил тон туриста о диковинных здешних местах, которые стоит посмотреть.

Полковник важно кивнул и отрывисто бросил:

– Три озера в одном.

– Как это? – изумился Деревянко.

– На месте большого вулкана, залитого водой, поднялся второй вулкан, который тоже заполнился водой. Оттуда вырос третий и тоже заполнился водой. Так получилось три озера в одном.

– В самом деле, стоит посмотреть на это чудо, – согласился генерал.

– Ещё у нас необыкновенной красоты закаты.

Нет слов, чтобы описать их. Только глаза могут оценить это чудо природы. Главнокомандующий разместился в гостиничных номерах, из которых особенно хорошо видно вечернее небо. Он часами может разглядывать необычные краски.

«Удивительно, как он находит на это время? – подумал Деревянко. – У командующих обычно расписана каждая минута». Решил, что американцы в любой обстановке не отказываются от комфорта, тем более духовного. Такая прагматичная нация.

За разговорами подъехали к белому зданию, которое оказалось штабом генерала Макартура. Нашу делегацию удобно разместили, каждому предоставили небольшой, но уютный кабинет с письменным столом.

Не успел Кузьма Николаевич освоиться на новом месте, как ему принесли телеграмму из Ставки. В ней говорилось, что он уполномочен от имени Советского Верховного главнокомандования подписать Акт о безоговорочной капитуляции Японии, в связи с этим переводится в непосредственное подчинение Ставки Верховного главнокомандования. Иными словами, в распоряжение лично Сталина.

Деревянко тяжело задышал. Ему показалось, что он слишком высоко и незаслуженно взлетел. Потом, когда ему пришлось подписать на борту линкора Акт, он скромно назвал себя «неизвестным генералом». Кузьма Николаевич долго раздумывал над требованиями телеграммы, подписанной Сталиным и Антоновым: «Текст протокола по капитуляции должен быть подписан следующим образом: «По уполномочию Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных сил генерал-лейтенант К. Деревянко». Кроме того, ему предписывалось оговорить с генералом Макартом, что текст, предложенный американской стороной, советская сторона не считает окончательным и оставляет за собой право внести необходимые поправки.

Словом, Кузьма Николаевич не был простым подписантом Акта. Вскоре после этого исторического события он открыл на дипломатических позициях настоящий фронт борьбы за интересы СССР и многого добился. В договор был вписан пункт, по которому Япония не имеет права претендовать на земли, находившиеся за пределами страны. Согласно ему, Курильская гряда отошла к России. Теперь один из островов назван именем Деревянко. «Неизвестный генерал» получил основательную прописку на карте мира.

В день прилёта Кузьма Николаевич встретился с Макартом. Обратил внимание на его молодой вид. Он знал, что генералу около шестиде-

23

сяти лет, но выглядел командующий лет на сорок. Высокий, поджарый, в идеально пригнанной форме, с золотым жезлом на груди. Волосы тёмные, ещё густые. Брови слегка подбритые. Даже по внешнему виду чувствовалось, что это человек чрезвычайно самолюбивый, целеустремлённый. По справке разведуправления Деревянко знал, что Дуглас ещё в юности стал упорно завоёвывать себе непререкаемый авторитет. В привилегированной военной академии в Вест-Пойнте прежде всего взялся за... спорт. Занятия по теории мог пропустить, но матчи по бейсболу или футболу – никогда, потому что успехи в спорте создавали подлинный авторитет у товарищей и преподавателей. И здесь он нашёл способ выделиться. Рассказывали, что в коллективной игре Дуглас выглядел середнячком, тушевался среди остальных, но когда выходил с каким-нибудь игроком один на один, то зачастую обыгрывал его. Благодаря спортивным достижениям имя Макартура гремело в академии.

В армии Дуглас оказался смелым и находчивым офицером. Во время войны с Мексикой ему поручили обеспечить войска механическим транспортом. В одном из городков он обнаружил сотни вагонов, но без локомотивов. Ему сообщили, что противник, отступая, спрятал несколько локомотивов в другом городе. Дуглас нашёл их. На обратном пути к своим позициям он был атакован пятью вооружёнными людьми. По ним офицер открыл огонь из пистолета, двое упали. Потом ещё были перестрелки. Макартур обнаружил три пули, прошедшие сквозь его одежду, но сам он не пострадал. Несмотря на «шероховатости», ему удалось выполнить приказ.

Первая мировая война хорошо прокрутила Макартура в штабах 42-й дивизии, которая сражалась во Франции. Из мясорубки он успешно выбрался с наградами – крест «За выдающиеся заслуги», медаль «За выдающиеся заслуги» и шесть Серебряных звёзд. В июле восемнадцатого года ему присвоили звание бригадного генерала. А вот начало войны с Японией Макартур бессовестно пропил. Так уж получилось, что перед самым нападением японцев на Перл-Харбор случился день рождения у одного из заслуженных американских адмиралов. Командный состав флота подтянулся в самый шикарный ресторан Манилы для весёлых развлечений. Праздновали до утра. Не отставал от своих подчинённых и Макартур. Утром с трудом разбудили его, чтобы сообщить, что американского во-

енного флота больше не существует. Японцы отправили корабли на дно вместе с моряками. Что самое поразительное, накануне нападения Вашингтон сообщил своему командующему о предстоящих боевых действиях противника. Но беспредельная самоуверенность, халатность и алкоголь подвели великого американского полководца. Вскоре ему пришлось под натиском японцев бежать сломя голову с Филиппинских островов.

Макартур спросил Кузьму Николаевича:

– В каких сражениях вы участвовали?

Деревянко перечислил Сталинградскую битву, Курскую дугу, с десятков других, не менее кровопролитных. Макартур читал об этих сражениях. Вообще, как ни странно, он боготворил Сталина. Смотрел каждый фильм с его участием, при этом в знак почтения сидел на краешке кресла. После разговора с Деревянко о сражениях генерал вспомнил о героической обороне острова Коррехидор, который находился всего в двадцати километрах от Манилы. Макартур организовал туда поездку нашего генерала.

Вот как Кузьма Николаевич вспоминает о ней: «В порту нас ждал быстроходный катер, и через час мы уже причалили к полуразрушенной стене набережной на Коррехидоре. Его площадь примерно пять квадратных километров. Здесь американцы уже к 20-м годам построили мощные фортификационные сооружения. Мне показали туннель Малимнта, где во время боев размещалась штаб-квартира Макартура.

Жизнь на Коррехидоре шла своим чередом даже после того, как японцы захватили провинцию Кавите, которой, собственно, и принадлежал остров. Мысль о падении острова считалась американцами невероятной. Американцы называли его «восточным Гибралтаром». Однако на Карреходоре повторилось то, что произошло с Сингапуром, где орудия были установлены так, что могли вести огонь только в сторону моря, а захвачен он был со стороны суши.

Японцы подвергли Коррехидор интенсивной бомбардировке и высадили десант в тылу американской дальнебойной артиллерии. Захватив остров, они оставили там часть пленных для восстановления фортификационных сооружений, а большую часть отправили в концлагерь на остров Лусон.

Осмотрели мы развалины форта Крокет, который был одной из трёх крупных артиллерийских позиций на этом острове. Бетонные стены

метровой толщины были во многих местах пробиты снарядами. Казармы почти километровой длины сгорели полностью. От театрального зала остались одни стены, в таком же состоянии было и здание американских ВВС, в котором жил Макартур до приезда в Австралию.

Американцы окружили Коррехидор ореолом славы. Надо отдать должное защитникам острова, которые героически боролись против японского вторжения. Однако мне, прошедшему Великую Отечественную войну от начала до конца, масштабы этих боевых действий не показались грандиозными».

* * *

До подписания Акта о капитуляции американцы захотели перебросить иностранные делегации в Токио, а потом на линкор «Миссури», где должна была состояться историческая церемония. За день до отлёта к Деревянко зашёл полковник Ледер, словоохотливый, свойский, без комплексов, готовый всегда выпить, чувствует себя, парень из разведки. Он принёс с собой бутылочку, перед каждым нашим офицером поставил крохотный стаканчик, разлил.

Деревянко, который хорошо владел такими формами общения, поднял мензурку и спросил:

– За что пьём?

– За завтрашний перелёт в Токио.

Тридцать первого августа рано утром советская делегация вместе с другими союзниками оказалась в «летающей крепости». Через четыре часа сели на Окинаве. После дозаправки снова поднялись в воздух.

В шестом часу вечера в салон вошёл штурман.

– Заходим в аэропорт Ацуги! – предупредил он.

Крыло стало опускаться вниз. Кузьма Николаевич увидел ширь Токийского залива с точками и чёрточками кораблей союзников. Где-то там затаился линкор «Миссури», на котором всё произойдёт. Ратник Сидящего на белом коне прекрасно понимал суть исторического момента, проглатывающего последние остатки страшной войны. Хорошо понимал и Сталина, который выбрал именно его, чтобы он, сын каменотёса, сказал Второй мировой войне: «Прощай, оружие!». В этом был ещё один подтекст. Генерал Деревянко родился в ноябре тысяча девятьсот четвёртого года, в тот момент, когда японцы заливали кровью российский Порт-Артур. Теперь

потомок павших героев должен был поднять Знамя справедливости и окончательно выбить меч из рук самураев.

Неожиданно салон самолёта погрузился в темноту. Кузьма Николаевич огляделся и понял, что «летающая крепость» попала в глубокую облачность. По стеклу иллюминатора побежали ручейки дождя. Все, кто были в салоне, напряглись, переживая опасный момент, но через несколько минут вновь выглянуло солнце, тревога ушла с души.

Первым приземлился самолёт американской делегации во главе с Макартуром. Через несколько минут села «летающая крепость» с остальными делегациями. Подали трап. К самолёту подъехали несколько легковых машин с представителями советского посольства. Делегацию встречал наш военный атташе. Стоянка была оцеплена американскими парашютистами.

Самолёт Макартура встречали министры и генералы поверженной Японии. Министры были во фраках, белых перчатках и цилиндрах. Своими манерами и одеянием они подчёркивали торжественность и величие этой исторической минуты.

К самолёту Макартура подняли трап. В широком проёме двери показалась высокая, сухопарая фигура генерала. Он театрально постоял минуту в наполеоновской позе, оглядывая японских министров и генералов, которые склонились перед ним до самой земли. Так обычно они склонялись перед своим императором.

Лошадиное лицо Макартура залилось торжеством. Чувствовалось, в душе у него было ликование и удовлетворение. Несмотря на все поражения, он взял своё и оказался победителем. В голове Кузьмы Николаевича мелькнула рыбкой озорная мысль: «Фиг сейчас бы ты принимал поклоны, если бы не гений Василевского, который за две недели расколотил всю миллионную рать этих вообще-то неплохих вояк».

Переводчик обратил внимание Деревянко на японские самолёты, которые держали на задворках аэродрома. Иероглифы на крыльях означали, что эти машины пилотировались камикадзе. Вот так Кузьма Николаевич столкнулся с ними. Не думал он, что самоподрыв человека станет когда-нибудь средством войны.

Правда, и наши воины бросались со связками гранат под танки, шли на таран самолётов противника, расстреляв боекомплект, но... Во второй половине войны, когда наступали, стали

25

беречь людей и придерживали подобный героизм. В Сталинграде он сам врезал старшине между глаз, когда тот обвязывался гранатами, чтобы лечь под танк. Кулак у генерала – дай боже, мог завалить быка запросто. Старшина опрокинулся на спину и потерял сознание. «Когда очнётся, заприте в блиндаж и не выпускайте до тех пор, пока мозги не заработают в правильном направлении жизни!» – приказал командиру взвода. Потом поинтересовался, как поживает его крестник. Сказали, что поживает и воюет без закидонов.

У японцев смерть была поставлена на поток. Задумывались даже пуски ракет, управляемых смертниками. Деревянко считал подобные акции неоправданными. Лучше хорошо обучить солдата, чтобы он мог эффективно использовать своё оружие. Но у японцев каждая винтовка, каждый автомат, каждый танк, а самолёт тем более, были на счету. Промышленность не успевала за глобальной войной, которую вели самураи. Вот и ввели культ смерти.

...Автомобиль вышел за территорию охраняемого аэропорта и двинулся к столице Японии. Кузьма Николаевич попросил военного атташе сбросить скорость, чтобы рассмотреть окрестности. По сути, разглядывать было нечего. Со всех сторон – пустые холмистые просторы до горизонта.

Военный атташе, в звании полковника, рассказывал:

– Американцы десятого марта накрыли стратегическими бомбардировками Токио. Сбросили сотни тонн зажигательных бомб и напалма. В жилых кварталах, застроенных деревянными зданиями, образовалось огненное торнадо, которое испепелило людей. Японцы получили свою Помпею. Если бы американцы проиграли войну, их судили бы сейчас как военных преступников.

Деревянко из окна автомобиля оглядывал волнистые пространства, отскобленные от гари, упираясь взглядом в остовы танков. Его удивило, откуда они тут появились? Американцы не вели сухопутных боёв в Токио.

– Японцы пытались вызволять людей из огненных мешков, отправляли танки, чтобы они пробивали пути через плотные застройки. Напалмовый огонь был таким сильным, что танки сгорали вместе с экипажами. Теперь они торчат повсюду, как печки выжженных немцами дотла наших деревень. У нас германцы освобождали

жизненное пространство для себя. Наверное, американцы тоже старались для себя.

Генералу было известно, что ни один серьёзный промышленный объект в Японии, работающих на войну, янки не тронули. Уничтожали только население.

У Деревянко был приказ Верховного главнокомандующего изучить последствия атомной бомбардировки. Поэтому он сказал атташе:

– Вы должны организовать мне поездку в Нагасаки и Хиросиму.

– Это опасно! – возразил полковник. – Трое наших сотрудников уже потоптались там.

– Я тоже должен.

Атташе промолчал, отвернулся и стал смотреть на дорогу перед машиной, которая приближалась к зелёному холму с видневшимся на нём бетонным забором. Из-за него выглядывало здание и пальмы. Это и было советское посольство, которое, к удивлению, уцелело. Когда поднялись к воротам, увидели, что далеко не совсем. Из стены был вырван огромный кусок бетона. Изломы почернели, спеклись. Кузьме Николаевичу они напомнили выгоревшие стены домов Сталинграда. Теперь, куда бы он ни поехал, прошлая война тащилась за ним, как побитая собака.

26

Дворик посольства украшал небольшой сад с пальмами. Во время бомбёжки деревья тоже пострадали. Сотрудники гасили на них языки пламени. Пальмы удалось спасти. Они стояли наполовину чёрные, но живые.

Посол, крепкий мужчина с умным, высоколобым лицом, встретил офицеров на крыльце здания, пожал каждому руку и проводил в гостиную посольства. Там уже был накрыт стол, очень необычный на вид. Деревянный каркас, на котором расстелен матрац.

Кивнув на стол, Кузьма Николаевич назвал его:

– Футоки!

Посол бросил быстрый удивлённый взгляд на генерала.

Деревянко объяснил:

– До войны я окончил Восточный факультет военной академии имени Фрунзе.

– Теперь понятно, почему Сталин направил вас в Японию. Свежий приток профессиональных востоковедов нам будет очень кстати в предстоящей работе.

Я читал откровения смертельно обиженного отставкой Никиты Сергеевича Хрущёва, предназначенные для американского Госдепа, напол-

ненные любовью к Трумэну и анафематствованием Сталину. В одном из пассажей бывший троцкист касался японского вопроса. Его до глубины души возмущало, что Сталин не захотел отдать Курильские острова и не подписал мирный договор с восточным соседом. Будучи руководителем Советского Союза, Никита Сергеевич готовился это сделать, но любимые американцы нанесли ему удар под дых, сорвав возвышенные желания нового генсека отрезвляющими порциями «холодной войны», при которых формальный мир с японцами стал невозможен.

В своих откровениях Хрущёв вспоминает о представителях Сталина в Японии при штабе Макартура. Они-де там болтались, их отключили от всякой работы. Когда знакомишься с материалами дипломатов того периода, понимаешь, что Хрущёв был просто не в курсе сталинской политики и практических шагов Советского Союза на Востоке.

Деревянко понравился посол Яков Александрович Малик, доброжелательный, деликатный. По некоторым замечаниям, которые он высказывал, можно было судить о глубине его знания Японии. Генерал сразу же почувствовал в Якове Александровиче родственную душу. Пройдёт всего лишь три месяца, и бывший посол станет его политическим советником, вплотную займётся под его руководством проблемами атомных бомбардировок, переговорами с американцами.

Яков Александрович предложил срочно побывать в гостях у Макартура. В Токио уцелели три гостиницы, в одной из них находится главнокомандующий. Малое количество уцелевших гостиниц сразу вызвало озабоченность у Деревянко. Где же расселить прибывающий персонал, роту солдат охраны? И решил – пусть американцы думают об этом. Им поручено организовать сервис себе и остальным делегациям.

Кузьма Николаевич вспомнил о первой своей встрече с Макартуром. Тогда он обрушил на генерала град вопросов о работе рации для связи со штабом маршала Василевского, о предоставлении ему материалов по высадке союзных войск в Японии, о списках военных преступников.

Генерал выслушал и поднял руки – «хенде хох»:

– Этим занимается начальник штаба генерал Сатерленд.

Деревянко подумал, что он исчерпал все вопросы, можно отдать честь, развернуться и уйти, но Макартур задержал его.

– Есть сведения, что в одной из радиопередач из Москвы говорилось о намерении Советского Союза высадить свои войска на Хоккайдо? – спросил генерал.

Кузьма Николаевич, не задумываясь, ответил:

– Утка! Таких задач советские войска не имели и не имеют.

Макартур успокоился, повеселел и подал на прощание руку.

Из посольства Деревянко с офицерами поехал в гостиницу. Улицы в Токио можно было теперь определить только по асфальту, ржавым трамвайным рельсам. Вокруг были выжженные пустыни с остовами обгоревших деревьев. Изредка проезжали шикарные автомобили, приспособленные под газогенераторное топливо. На них сзади крепились печки для сжигания дров, а по крыше проходили трубы, обмотанные изоляцией. Легковой транспорт выглядел нелепо.

У гостиницы, где остановился Макартур, толпились военные. Морпехи подали к зданию чёрный кадиллак, купленный генералом у манильского сахарного барона. По бокам длинной машины стояли семь мотоциклов. Видимо, генерал собрался куда-то ехать с эскортом. Деревянко заметил, что с каждым днём самомнение Макартура взлетало вверх. Что будет с ним после подписания Акта о капитуляции Японии? Время показало, что Дуглас станет претендовать даже на президентское кресло в Соединённых Штатах. Видимо, американские избиратели не разглядели в нём политического деятеля, способного руководить страной. Он благополучно проиграл выборы. Уже окончательно в отставке, он размышлял о предстоящих галактических баталиях землян с инопланетянами.

Кузьма Николаевич зашёл в просторный номер, который занимал Макартур. Тот в самом деле шибко торопился, отдавал приказания, разговаривал по телефону. Положив на минуту трубку, сказал Деревянко:

– Для доставки вашей делегации на «Миссури» выделен миноносец «Бьюкенен». Его командиру даны необходимые указания. За вами в гостиницу «Новый Гранд Отель» пришлют машины и доставят на борт миноносца.

Деревянко козырнул и отправился в гостиницу, где его уже ожидали члены советской делегации. Кто-то спросил, почему решили американцы провести подписание Акта на «Миссури»?

Генерал ответил:

– Свой линкор японцы считают национальной достопримечательностью. Для них он был как «Летучий голландец». Вдруг появлялся у берегов и расстреливал города из дальнбойных орудий. За ним охотились, но безуспешно. Только одному смертнику удалось бросить свой самолёт на палубу. Одно крыло отлетело и врезалось в орудийную башню, вызвав небольшой пожар, который команда тут же потушила. Тело пилота по приказу капитана линкора похоронили в океане со всеми воинскими почестями.

Стаценко буркнул:

– У нас часто не было возможности не только хоронить немцев, но и своих.

Деревянко вспомнил гору трупов красноармейцев под Демянском и подумал: «Америке всё-таки посчастливилось не испытать и тысячной доли «прелестей» нашей войны. И Японию она фактически заграбастала чужими руками. Теперь янки делают вид, что они победили».

Горькое чувство зашевелилось у него в душе. Он не хотел, чтобы оно разрослось, и стал рассуждать о завтрашнем дне на линкоре. К нему надо подготовиться. Офицеры разошлись по своим комнатам.

Утро второго сентября сорок пятого года было прекрасным. Будто сама природа радовалась победе над Зверем. День лучами солнца высвечивал каждую морщинку на лице океана. Корабли союзников на рейде выглядели издали небрежно разбросанными спичечными коробками. Среди них выделялся линкор «Миссури». Он подходил на тёмную гавайскую сигару, положенную боком на воду. В его сторону торопился миноносец. На тесной палубе стояли Деревянко, Воронов, Стаценко и переводчик. Все молча оглядывали морскую панораму.

Если Деревянко и лётчик не особенно разбирались в кораблях, то моряк мог в полной мере оценить мельтешащие перед ним военные плавсредства. Кроме линкора, это были корабли третьего класса – эсминцы, лёгкие крейсера, хорошо потрепанные в прошедшей войне, транспортные суда. Эти посудины в глазах нашего вице-адмирала выглядели вполне заурядными, неинтересными. Только вот «Миссури»! Он стремительно приближался, закрывая собой солнце и небо. Его размеры, особенно вблизи, впечатляли. Длина корабля – двести семьдесят метров, водоизмещение – сорок тысяч восемьсот двадцать тонн. Его снаряды пробивали десятиметровые бетонные укрепления. Ещё вчера он

накрывал своими мощными пушками судостроительные верфи Японии. Да что говорить о верфях, если две недели назад на Хиросиму и Нагасаки были сброшены атомные бомбы.

Мне удалось найти заметки Константина Симонова на этот счёт. Как корреспондент «Красной звезды», он побывал в Японии и в своих дневниках запечатлел картины апокалипсиса:

«Я уже знал из рассказов, что вид Хиросимы не совпадает с теми первыми московскими представлениями, которые возникли, когда мы прочитали об атомной бомбе. Я помню, у меня тогда было ощущение какой-то выжженной земли, огромной воронки в несколько километров шириной и несколько сот метров глубиной. Словом, ощущение чего-то загадочного, как-то химически испепелённого. В реальности всё это было не совсем так.

Для того чтобы представить себе то, что я увидел, нужно понять прежде всего, что такое японский город, подобный Хиросиме. Это город в триста-четыре тысячи жителей, губернский центр, в котором, однако, с трудом наберётся больше пятнадцати – двадцати каменных зданий, всё остальное – из дерева, причём очень лёгкого, из картона и бумаги. Некоторые дома, внешне имеющие вид каменных, на самом деле представляют собой просто обмазанную штукатуркой плетёнку из дранки и, может быть, ещё более непрочны, чем деревянные строения.

И вот мы стоим в центре Хиросимы. Примерно здесь (кто говорит – в трехстах, кто – в пятистах метрах над нашими головами) разорвалась атомная бомба.

Во-первых, начнём с того, что нам придётся отказаться от представления о взрывной волне, идущей от места разрыва по диагоналям вверх. Здесь взрывная волна шла от места разрыва, то есть с полукilометровой высоты, по диагоналям вниз. Во-вторых, посмотрим, что осталось от города. Бетонные дома (а их в городе штук пятнадцать – двадцать) стоят на месте; из них силой взрыва выбило окна, двери, с иных сорвало крыши, с иных – нет, но они, зияя пустыми окнами, стоят. Если вообразить, что взята чудовищная железная метла и этой метлой выметено из зданий всё, что в них было, то можно себе представить тот вид, какой имеют эти дома.

Кругом этих домов – пустыня. Над пустыней возвышаются железные телеграфные столбы, кое-где помятые, но в большинстве целые, и деревья – есть вырванные с корнем, но большин-

28

ство стоит, только кажется, что та же железная метла смела с этих деревьев все листья, все до одного, и они стоят абсолютно голые.

Кроме деревьев и столбов, неожиданно самыми высокими пунктами пейзажа оказываются довольно многочисленные, рассеянные по городу старые кладбища. Японское кладбище больше всего напоминает, пожалуй, древнее еврейское кладбище, которое я видел в Праге. Это поставленные рядом друг с другом высокие плоские каменные плиты, часто из неровных и необделанных кусков камня; это каменные же и довольно высокие светильники. И всё это, крепко врытое в землю, осталось стоять в полной неприкосновенности. А дома из дранки, картона, дерева и бумаги рассыпались.

Здесь, как и в Токио, среди пожарища всюду видны несгораемые ящики. Там, где они были крепко привинчены или забетонированы, они стоят; там, где просто были поставлены на пол, повалились.

Крыши осыпались и покрыли землю осколками черепицы. Бумага и картон превратились в прах; черепица разбилась, но осталась и засыпала всю землю.

В километре от центра взрыва – река. На ней мосты. Они целы.

Таково зрелище Хиросимы – мрачное, но не загадочное. Ожидаемый загадочный ужас превратился в страшной силы удар, который рассыпал всё, что было некрепко, и оставил то, что крепче – деревья, столбы, камень, бетон.

Вот пока и всё, что осталось в сознании».

Потом на этом месте побывает Кузьма Николаевич. Он не только увидит всё это своими глазами, но и запечатлеет объективом фотоаппарата, кинокамеры. Будет смонтирован фильм, который покажут Сталину. Верховный главнокомандующий поднимет на ноги учёных, разведчиков, промышленность, чтобы создать это самое страшное оружие для отпора американцам. Только Хрущёв, да ещё с большого бодуна, мог увидеть в Трумэне ангела во плоти и таковым обрисовать его в своих мемуарах.

...Миноносец причалил к платформе линкора. Делегация поднялась по трапу на борт, где всю хозяйничали американцы: определяли места расположения делегаций. Советского фоторепортёра Тёмина так оттеснили, что у того не осталось места для съёмок. Распределители втолковывали ему: «Американские издатели тут всё перекупили за большие деньги».

Фотокорреспондент «Правды» не мог позволить себе таких расходов. Он подскочил к Деревянко:

– Кузьма Николаевич, мне не дают снимать! Помогите!

– Иди за мной! – бросил тот.

Тёмин со своей камерой прилип к советской делегации. Вместе они выдвинулись к столу, на котором должны были поставить подписи представители союзников.

Навстречу нашей делегации вышел Макарутур.

Деревянко представил ему членов своей делегации, в том числе Тёмина.

– Специальный фотограф Сталина, – и обратился к фотокорреспонденту: – Где вам удобнее расположиться для съёмки?

– Вот здесь, – ответил Тёмин и показал на площадку, которую до отказа набили представители американских средств массовой информации.

– Надеюсь, вы не возражаете? – обратился Деревянко к Макарутуру.

– О'кей! – ответил тот и взмахом руки отсек от Тёмина офицеров охраны, которые попытались за локти вытащить фотокорреспондента из оцепления.

29

Получив высочайшее разрешение, молодец Тёмин «отвязался». Даже в какой-то момент забрался на орудие и оттуда заснял процедуру подписания Акта. Часть его снимков Деревянко потом показал Сталину, которому они понравились.

Вот как рассказал о подписании сам Кузьма Николаевич:

«После того как собрались все представители стран-победительниц, в маленьком катере доставили японскую делегацию во главе с министром иностранных дел Мамору Сегемицу. Главного уполномоченного японского императора Сегемицу под руки поддерживали два человека. Японская делегация было поставлена напротив делегаций стран-победительниц. Низко опустив голову, Сегемицу стоял, опираясь на палку, поскольку у него одна нога была на протезе. Ноги он лишился задолго до войны в Китае во время парада японских войск. Китайский патриот бросил бомбу в группу японских генералов. Среди них был и Сегемицу.

Обстановка, в которой происходила церемония, была очень простой. Небольшой стол, покрытый зелёным сукном, две чернильницы, два стоявшие друг против друга стула. Микрофон.

На столе разложены листы с текстом этого документа на английском и японском языках.

В десять часов тридцать минут по токийскому времени подписание Акта началось с «пяти минут позора Японии» – японская делегация должна была выдержать укоризненный взгляд всех присутствующих в это время на линкоре. Перед началом выступил генерал Макартур. Затем он подчёркнуто небрежным жестом пригласил к столу японскую делегацию. По меткому высказыванию одного из журналистов, она была как бы группой, участвующей в похоронной процессии. Сегемицу подошёл к столу. Отдал палку секретарю. И, сняв чёрный цилиндр, стоя, возле стола был стул, начал подписывать акт. Вдруг Сегемицу нервно вздрогнул, его бледное лицо покрылось потом. И здесь ему не повезло – автоматическая ручка по какой-то причине не действовала. Догадливый секретарь быстро подсунил Сегемицу какую-то другую ручку, и тот, торопливо поставив подпись, тяжело вздохнув, отошёл в сторону. То же самое сделал начальник генерального штаба японской армии генерал Иошихидо Умэдзу, несколько замешкавшись перед тем, как подписать Акт.

От имени союзных держав акт подписал вначале генерал Макартур. Словно специально, он достал из кармана горсть авторучек, подписал документ с английским текстом одной авторучкой, с японским – другой. Затем поставили подписи другие генералы.

Я находился в первой шеренге представителей союзных держав, и мне хорошо были видны лица членов японской делегации. Когда свою подпись под актом ставил китайский генерал, японцы даже не подняли глаз и не пошевелились, но подавленная злоба так и пробивалась сквозь неподвижные маски их бледно-жёлтых лиц».

Как только генерал Макартур объявил, что сейчас акт подпишет представитель Союза Советских Социалистических Республик, грянули аплодисменты, не предусмотренные протоколом. Аплодировали американские моряки, бросали вверх шапочки. Они-то знали, чья страна принесла Победу над Японией. Очень скоро историки западных стран будут переходить на визг, доказывая, что американские атомные бомбы вынудили японцев поднять руки. Но это было не так. Японцы готовились ещё много лет воевать. У них в руках было очень страшное оружие, не менее разрушительное, чем атомное.

Является чудом, что они не пустили в его ход. О нём я расскажу чуть ниже. А пока о том, что случилось во время подписания Акта. Без конфликта не обошлось. Некоторые представители союзников перепутали строчки, неправильно расписались. Японцы всколыхнулись, забежали вокруг стола, потребовали вернуть процедуру. Макартур не опустил до таких «мелочей». Главное, японцы уже украсили своими закорючками историческую бумагу. Дело было сделано. Формалисты с обеих сторон столкнулись лбами над Актом, привели его в удовлетворительное состояние. После этого японскую делегацию отправили на берег в маленьком кораблике. Остальным устроили банкет до следующего утра, а затем развезли по гостиницам на берегу.

Когда советская делегация вернулась в свою резиденцию, Кузьма Николаевич попросил своих помощников, вице-адмирала и генерал-майора, поднатужиться над «мемуарами», изложить свои впечатления о церемонии подписания Акта со всеми мельчайшими подробностями, сам тоже до позднего вечера бился над обстоятельным донесением в Москву. Он знал, что с его работой обязательно познакомится Сталин. Это накладывало на автора особую ответственность.

30

На следующий день советскую делегацию пригласили на очередную сессию японского парламента. Открыть её должен был сам император Хирохито. Ему предстояло прочесть текст Акта о капитуляции Страны восходящего солнца.

Заседание назначалось на десять тридцать утра. Советская делегация в полном составе приехала к десяти и не увидела императора. Оказалось, он приехал в парламент ещё раньше. Открыл сессию и убыл.

На глазах советской делегации разыгрывалось незабываемое шоу. Депутаты упорно избегали разговоров о войне и поражении. Один поставил вопрос о необходимости возместить потери японских промышленников от войны и бомбёжек. Другой обвинил японский народ в том, что тот был недостаточно усерден в своих жертвах великим идеям императора и должен просить у него прощение.

На этой сессии Деревянко ни разу не услышал слова «капитуляция», только прозвучал «Указ о прекращении войны». Тогда он спросил японцев, почему так неточно это название, ему с апломбом ответили, что на японский язык слово «капитуляция» иначе перевести нельзя, так как нет соответствующего иероглифа. Генерал-вос-

токовед знал, что в богатом японском языке есть такое слово. Но стоило ли доказывать?..

Известно, что капитулирует обычно не столько физически сломленная армия, сколько морально, перед безысходностью. Японцы, несмотря на все бомбардировки и поражения, сохраняли самурайский дух и готовы были дальше сражаться. И для этого у них были средства, Деревянко позднее попала на глаза книга английского писателя. Тот прямо писал: «Победу над Японией одержала не бомба, а Сталин. Поэтому главы Соединённых Штатов и Англии в Ялте ходили на цыпочках вокруг Сталина и упрашивали вступить в войну. Они-то, обладая полнотой информации, хорошо понимали, что без Сталина им не сокрушить японцев». И Деревянко особенно это понял, когда побывал на развалинах строний отрядов 731 и 100 в Маньчжурии.

* * *

Пришло время, и генерал-разведчик должен был отчитаться перед Верховным главнокомандующим. Прочитую самого героя повествования:

«В конце сентября я был уже в Москве. Прежде чем представить доклад правительству мне предстояло встретиться с начальником Генерального штаба генералом армии Алексеем Иннокентьевичем Антоновым.

Я знал, что А. И. Антонов был требовательным, принципиальным человеком, не любил поверхностных докладов и всегда требовал тщательного изучения того или иного вопроса. Хорошо зная эти качества начальника Генерального штаба, я всесторонне подготовился к докладу. Все вопросы, которые могли возникнуть в ходе доклада к правительству, были детально обсуждены с генералом Антоновым.

30 сентября к 10 часам утра мы с генералом Антоновым отправились в Кремль. Проехав через Боровицкие ворота и обогнув здание Верховного Совета по Ивановской площади, свернули к зданию, где находились квартира и рабочий кабинет И. В. Сталина. Поднявшись на второй этаж, через кабинет Поскрёбышева и небольшое помещение личной охраны Верховного главнокомандующего вошли в приёмную Сталина.

Долго ждать не пришлось. Звонок из кабинета Верховного главнокомандующего означал разрешение на вход к нему. Зайдя в кабинет за Антоновым и увидев вышедшего из-за стола

Сталина, я представился Верховному главнокомандующему. Поздоровавшись, Сталин пригласил к столу. Здесь же, в скромно обставленной комнатке, за столом уже сидели члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Правительства, приглашённые на совещание.

Антонов предупредил, что Сталин, слушая доклад, обычно прохаживается у стола. Поэтому докладывать нужно, не ожидая, пока он сядет. Ещё Антонов предупредил меня, что не следует отходить от подготовленного текста, что-нибудь добавлять от себя, так как Верховный не терпел малейшего вранья или приукрашивания действительности. Особое внимание необходимо было обратить на точность формулировок. У Сталина было какое-то особое чутьё на слабые места в докладах. Он их тут же обнаруживал и строго взыскивал на нечёткую информацию.

Пока садились на указанные места и готовили документы, у меня была возможность рассмотреть Сталина, которого видел первый раз в жизни, да ещё так близко. После некоторой паузы Сталин попросил меня доложить о положении в Японии в общих чертах и подробнее остановиться на отношении японцев к союзникам, о состоянии вооружённых сил Японии. Особенно о военно-морском флоте.

31

Начав доклад, я попытался встать, но Сталин жестом разрешил докладывать сидя. Волнение, которое я испытывал до начала доклада, постепенно ушло: я видел, что доклад слушают с большим вниманием. Изредка Сталин подходил к письменному столу, стоявшему в глубине кабинета, брал папиросу.

Когда доклад был окончен, Сталин попросил подробно рассказать о последствиях взрыва атомных бомб, сброшенных американцами на японские города Хиросиму и Нагасаки. Я к этому времени был готов подробно всё рассказать, поскольку сам был в пострадавших от взрывов бомб городах и видел последствия этих варварских налётов. Показал и альбом фотографий, на которых были запечатлены результаты атомных взрывов.

Затем с разрешения Сталина вышел из кабинета. Антонов, предупредивший меня о том, что возвращаться в Генштаб будем вместе, на некоторое время задержался в кабинете Верховного главнокомандующего. После того как мы вернулись в Генштаб, Антонов сказал, что Сталин и другие члены Политбюро остались довольны докладом.

На следующий день мне сообщили, что доклад в Политбюро одобрен, моя работа в Японии получила положительную оценку. А потом мне предоставили отпуск – первый за многие годы. Отдохнуть я уехал к матери».

После короткого отпуска Кузьма Николаевич вернулся в Японию, чтобы продолжать работу в Союзном совете под председательством Макарура, который активно занимался организацией международного суда над японскими военными преступниками.

* * *

Сиро Исии! Ростом чуть выше среднего. Худошавое, по-европейски вытянутое усатое лицо, с высоким, плоским, белым лбом. Глядя на него, никогда не подумаешь, что за этим человеческим обликом таится демон-зверь. В миру Сиро был генералом японской армии, биологом по специальности. Образование он получил в университете Итона. Там, вероятно, ад подсказал ему идею создания бактериологического оружия. Ещё до войны нелёгкая занесла его в исследовательские лаборатории Италии, Франции, Германии и даже СССР. Обогащённый мировыми знаниями, Сиро вернулся на родину, где пообщался прежде всего с военными и распахнул перед ними «блестящие» перспективы нового, крайне эффективного, а главное – дешёвого оружия.

– В отличие от артиллерийских снарядов, – говорил он, – бактериологическое оружие способно мгновенно убивать живую силу, зато оно без шума поражает человеческий организм, принося медленную и мучительную смерть. Производить снаряды не обязательно, можно заражать вполне мирные вещи – одежду, косметику, пищевые продукты и напитки, можно распылять бактерии с воздуха. Пусть первая атака не будет массированной – всё равно бактерии будут размножаться, поражать цели.

Посланец ада был понят императором Хирохито, который тоже был по образованию биологом. Придя к власти, он провозгласил для своего правления девиз «Сёва», который расшифровывается как «эпоха просвещённого мира». Сиро Исии утверждал: «Наука всегда была лучше других убийц!» Это мнение разделили его слушатели в погонах. Они поддержали идею, выделили деньги на создание центра для производства такого оружия. Место выбрали в Маньчжурии, то есть на территории Китая. Почему так далеко от

Японии? Не хотели подвергать опасности заражения своё население. Вторая причина – там легче упрятать центр под завесой секретности.

Глухие места в лесах всегда пользуются дурной славой. Их стараются обходить стороной, не приближаться к ним. Такой же славой стало пользоваться у китайцев место, окружённое непроницаемой, высокой бетонной стеной, к которой жители старались даже не подходить. Они догадывались, что за этой стеной творится что-то жуткое.

Перед окончанием войны японцы тщательно «подобрали» за собой. Сперва сотнями бомб с самолётов сравнивали с землёй здания отрядов 731 и 100. После этого сапёры поработали взрывчаткой, превратив бетон и кирпич в крошево. Останки захороненных людей выкопали из ям и сожгли в топках, а пепел разнесли по сопкам.

Деревянко нашёл бывшего сотрудника отряда 731, тот прямо на развалинах подробно рассказал ему, что было там. Потом генерал через свою агентуру добыл копию фильма, который снимался в стенах отряда 731. Японский писатель Моримура Сэйи по его просьбе написал книгу «Кухня дьявола», которая получила мировую известность. Масштабы преступления японской военщины стали известными, заставили содрогнуться человечество, что привело к запрету бактериологического оружия. Так второй Зверь будет побеждён Сидящим на белом коне и его воинством.

Думается, наш читатель много знает о немецких концлагерях, но меньше знаком с японской «кухней дьявола», которую разоблачил Кузьма Николаевич Деревянко. Вот она в отдельных деталях.

Служащие отряда 731 жили в Харбине. Внешне они ничем не отличались от других японцев, такие же спокойные, уравновешенные. Правду говорят: «Между человеком и дьяволом нет Китайской стены». Эти внешне неприметные японцы утрами без суеты усаживались в автобусы и подъезжали к трёхэтажному кирпичному зданию. В нём они переодевались в военную форму и уже на других автобусах выезжали из города и пылили ещё двадцать километров по просёлочной дороге, пока не подкатывали к огромной площадке, обнесённой забором с колючей проволокой. На территории центра они переодевались в защитные белые костюмы и превращались в монстров. Расходились по ла-

бораториям и приступали к своей дьявольской работе.

Несколько будничных для отряда эпизодов.

...Заклѳченнх доставляли поздно вечером, с одиннадцати до двенадцати часов. Монстры в человеческом облике сопровождали их в специально оборудованную комнату, где ноги и руки людей погружали в бочки с ледяной водой, чтобы вызвать переохлаждение. Затем «пациентов» с оголѳнными мокрыми конечностями выводили на открытый воздух и держали там при минусовой температуре до тех пор, пока не наступало обморожение. Убедившись, что оно произошло, монстры били палками по конечностям и смотрели, как отваливаются остекленевшие мышцы и кожа.

Художник фиксировал на бумаге изуродованные руки и ноги. На одних листах были изображены руки с полностью отвалившимися фалангами пальцев, на других – ноги без ступней с обнажившимися костями голени, на третьих – тело с частично ампутированными конечностями, ставшими короткими, как плавники нерпы. Были рисунки, изображавшие стадии обморожения, когда ткань покрывается волдырями и постепенно чернеет.

...Однажды в секционную привели китайского мальчика. Он сидел на корточках в углу, как загнанный зверѳк, а вокруг операционного стола стояли в белых халатах более десяти сотрудников отряда, подняв готовые к операции руки. Один из них коротко приказал мальчику лечь на операционный стол.

Мальчик разделся, как ему было приказано, и лѳг на стол спиной.

Тотчас же на лицо ему наложили маску с хлороформом. С этого момента он не ведал, что творят с его телом.

Когда наркоз подействовал, всё тело мальчика протѳрли спиртом. Один из сотрудников, стоявших вокруг стола, взял скальпель, приблизился к мальчику. Вонзил скальпель в кожу грудной клетки и сделал разрез в форме буквы Y. Обнажилась белая жировая прослойка. В том месте, куда немедленно были наложены зажимы Кохера, вскипали пузырьки крови. Вскрытие заживо началось.

«Это был ещѳ совсем ребенок, и ни в каком антияпонском движении он участвовать не мог. Я только потом понял, что его вскрыли, потому что хотели получить внутренние органы здорового мальчика».

Из тела ловкие, натренированные руки один за другим вынимали внутренние органы: желудок, печень, почки, поджелудочную железу, кишечник. Их разбирали и бросали в вѳдра, а из них тотчас же перекладывали в наполненные формалином стеклянные сосуды.

Блестел скальпель, лопались пузырьки крови. Один из вольнонаѳмных, искусно владеющий инструментом, быстро опустошил нижнюю половину тела мальчика. Вынутые органы в формалиновом растворе ещѳ продолжали сокращаться.

«Смотрите! Да они ещѳ живые!» – сказал кто-то.

Нетронутой осталась только голова. Маленькая, коротко остриженная голова. Один из специалистов группы Минато закрепил еѳ на операционном столе. Затем сделал разрез от уха к носу. Когда кожа с головы была снята, в ход пошла пила. В черепе было сделано треугольное отверстие, обнажился мозг. Сотрудник отряда взял его рукой и быстрым движением опустил в сосуд с формалином. На операционном столе осталось нечто, напоминавшее тело, – опустошѳнный корпус и конечности.

Вскрытие закончилось.

«Унесите!»

33

Стоявшие наготове служащие один за другим унесли сосуды. Ни малейшего сожаления по поводу насильственной смерти мальчика!

Это была даже не казнь. Просто доставка живых органов. И таких доставщиков органов ежесуточно было по сто человек. Фабрика по производству чумы, оспы и других страшных заболеваний функционировала непрерывно во время войны, вплоть до сорок пятого года.

Японцы «работали», как они считали, не с людьми, а с брѳвнами. Так называли людей, которые попадали им в руки: женщины, дети, военнопленные, заклѳченные.

На полках, тянувшихся в два или три ряда вдоль стен, стояли наполненные формалином стеклянные сосуды диаметром сорок пять и высотой шестьдесят сантиметров. В формалиновом растворе хранились человеческие головы. Отделѳнные от шеи, с открытыми или закрытыми глазами, с колышущимися волосами, они тихо покачивались в жидкости.

Головы с раздробленным, как гранатовый плод, лицом.

Головы, разрубленные на две части от темени до уха.

Головы распиленные, с обнажившимся мозгом.

Головы с разложившимся лицом, на котором невозможно распознать ни глаз, ни носа, ни рта.

Головы с широко открытым ртом, с красными, синими, чёрными пятнами на коже.

Китайцы, монголы, русские...

Когда советские войска захватили немецкий концлагерь, где была бактериологическая лаборатория, глава отряда 731 встревожился. Он обменивался опытом с немецкими фашистами, которые знали о центре производства бактериологического оружия в Маньчжурии. Было принято решение о его уничтожении.

Генерал Исии собрал сотрудников обоих отрядов и сказал: «Мы творили с вами страшные вещи. Если вы попадёте в плен и об этом узнают, то приговорят обязательно к смертной казни. Чтобы этого не случилось, вы должны раствориться в Японии, никогда не общаться с друг другом и никому не рассказывать о своей работе в отряде. Я сделал так, чтобы её следов не осталось».

Но свою инструкцию первым нарушил сам генерал. Он многое рассказал американцам. И те пообещали ему амнистию. Генерал получил укромное рабочее место на родине и стал переносить адскую технологию на бумагу, которую передавал страница за страницей своим новым спонсорам.

Деревянко с докладом побывал на приёме у Сталина, рассказал, как Макартур готовит судебный процесс. Американцы арестовали шестьсот человек, но среди них ни одного бактериолога. Кузьма Николаевич откровенно сказал Сталину, что такого процесса, который бы по достоинству оценил преступников, вероятно, не получится. Нет веских документальных свидетельств. Все они тщательно уничтожены.

Да и американцы не хотят прикасаться к этому, что и понятно, у самих рыло в пуху. В Дрездене они создали воздушными бомбардировками огненный смерч, в котором за одну только ночь погибли, по самым скромным подсчётам, сто тысяч человек. Это цифра выходит за пределы человеческого сознания. В Японии для уничтожения людей американцы использовали более «эффективный» атом. Поэтому они решили зверства японской военщины обойти и судить за преступления... против мира. «Суд выльется в абстрактные разговоры вообще», — предположил Деревянко, заканчивая доклад.

Сталин был настроен более оптимистично:

– Есть преступники, которые взяты в плен.

Они дадут показания.

Иосиф Виссарионович сказал Абакумову, главе СМЕРШа, который присутствовал при разговоре:

– Надо, чтобы документы были. Считайте это своей боевой задачей!

Наши борцы со шпионами поднапряглись. На Хабаровском процессе в декабре сорок девятого года судили двенадцать бывших японских военнослужащих за участие в разработке и применении бактериологического оружия. Сейчас об этом суде уже мало кто знает, хотя по своей значимости он не уступает ни Нюрнбергскому, ни Токийскому, – единственный судебный процесс, где были доказаны факты разработки и применения японцами в боевых действиях бактериологического оружия.

Итак, кого и за что судили на процессе? Наиболее подробные сведения содержит книга «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия», вышедшая в пятидесятом году тиражом пятьдесят тысяч экземпляров. Кроме того, в фонде архивных уголовных дел Центрального архива ФСБ России хранится уголовное дело № Н-20058 в двадцати шести томах. По нему и проходили те двенадцать японских военнослужащих, которые в нарушение Женевского протокола тысяча девятьсот двадцать пятого года занимались разработкой, созданием и применением бактериологического оружия в годы Второй мировой войны. Следствие проводилось оперативно-следственной группой МВД СССР и Следственным управлением МВД СССР по Хабаровскому краю с двадцать второго октября по тринадцатое декабря сорок девятого года. В уголовном деле имеются собственноручные показания и дневниковые записи обвиняемых (на японском языке и в переводе на русский), показания свидетелей, акты судебно-медицинских экспертиз, протоколы допросов... Судебный процесс был открытым и широко освещался СМИ СССР.

Обратимся к материалам обвинительного заключения: «В 1941 году эти подразделения были оформлены в «отряд № 731» и «отряд № 100». Отряды были укомплектованы специалистами-бактериологами и другими научными и техническим специалистами. Только в отряде 731 числилось более 3000 сотрудников».

37

Отряды имели развитую инфраструктуру: «...для развертывания отряда 731 в районе станции Пинфань, расположенной около 20 км от Харбина, к 1939 году был отстроен большой военный городок с многочисленными лабораториями и служебными зданиями. Были созданы значительные запасы сырья. Вокруг городка в целях обеспечения особой секретности работ была создана запретная зона. Отряд имел свою авиационную часть, а на станции Аньда – специальный полигон.

Отряд № 100 также располагал обширными помещениями, специальным оборудованием и земельными участками в районе местечка Мога-тон в 10 км южнее города Чанчунь».

Отряды имели большую филиальную сеть вдоль границы с СССР. Задачей филиалов была подготовка к практическому применению бактериологического оружия во время наступательных операций на территории СССР. Отряды подчинялись непосредственно командующему Квантунской группировкой японской армии. Более подробно об устройстве лабораторий, структуре отрядов можно прочитать в указанной выше книге. Приведу лишь одну цитату:

«Материалами предварительного следствия установлено, что отдел № 1 (отряда 731. – *Прим. автора*) специально занимался исследованием и выращиванием для бактериологической войны возбудителей: чумы, холеры, газовой гангрены, сибирской язвы, брюшного тифа, паратифа и других в целях их использования в бактериологической войне.

В процессе этих исследований производились опыты не только над животными, но и над живыми людьми, для чего была организована внутренняя тюрьма, рассчитанная на 300–400 человек».

«Низшие существа», лишённые права называться людьми, «брёвна» – это пленные, находившиеся в «отряде 731». Среди них были русские, китайцы, монголы, корейцы, схваченные жандармерией, спецслужбами Квантунской армии либо подчинёнными им сотрудниками лагеря «Хогоин» («Приют»), расположенного в Харбине.

Жандармерия и спецслужбы захватывали советских граждан, оказавшихся на китайской территории, командиров и бойцов восьмой китайской Красной армии (так японцы называли Народно-освободительную армию Китая), попавших в плен в ходе боев, а также арестовыва-

ли участников антияпонского движения: китайских журналистов, учёных, рабочих, учащихся и членов их семей. Все эти люди подлежали отправке в специальную тюрьму отряда 731.

«Брёвнам» не нужны были человеческие имена. Всем жертвам давали трёхзначные номера, в соответствии с которыми их распределяли по исследовательским группам в качестве материала для опытов.

В группах не интересовались ни прошлым этих людей, ни их возрастом.

В жандармерии, до отправки в отряд, каким бы жестоким допросам их ни подвергали, они всё же считались людьми, у которых был язык и которые должны были говорить. Но с того времени, как они попадали в отряд, их числили всего лишь подопытным материалом.

«Брёвнами» были и женщины – русские, китаянки, схваченные по подозрению в антияпонских настроениях. Женщины использовались главным образом для исследования венерических заболеваний.

Циркуляция «брёвен» была весьма интенсивной. В среднем через каждые два дня три новых человека становились подопытным материалом.

Хабаровский судебный процесс, основываясь на показаниях подсудимого Кавасимы, зарегистрировал в своих документах, что с сорокового по сорок пятый год отрядом 731 было «потреблено» не менее трёх тысяч человек. «В действительности это число было ещё больше», – единодушно свидетельствовали бывшие сотрудники отряда».

В материалах Хабаровского процесса приводятся факты реального применения бактериологического оружия против советских войск на Халхин-Голе: «Испытания бактериологических средств проводились не только в лабораториях и на испытательных полигонах, но и в полевых условиях, в т. н. «экспедициях». Первая «экспедиция» была проведена ещё в 1939 г. на реке Халхин-Гол, когда при отступлении японской армии в реку были вылиты болезнетворные бактерии».

Вторая «экспедиция» была направлена в июле – августе сорок второго года в район Трёхречья (Северо-Хинганская провинция Китая) и длилась двадцать пять дней. В ходе «экспедиции» проводились испытания бактериологических средств около города Хайлара, у реки Тербур, в шестидесяти – восьмидесяти километрах от её впадения в пограничную с СССР реку Аргунь.

35

В архивном уголовном деле имеются сведения и о других примерах использования бактериологических средств и оружия. Так, в тысяча девятьсот сороковом году в районе Нимбо (южнее Шанхая) отряд № 731 сбросил с самолётов в расположение китайских войск и на местное население авиабомбы, начинённые бактериями чумы. Одновременно велось заражение водоемов, колодцев и других водных источников.

В результате этого распространилась эпидемия в городах Цзиньхуа, Изьечжоу, Юйшань, на ликвидацию которой китайскими властями были привлечены значительные противозидемические силы. В 8-й НОАК было издано специальное указание о мерах борьбы с чумой.

Очередную операцию отряд № 731 провёл летом сорок первого года в Центральном Китае: над городом Чандэ с самолёта сбрасывали бомбы, начинённые блохами, заражёнными бактериями чумы. Цель операции состояла в том, чтобы, распространив эпидемию, вывести из строя китайские войска и нарушить коммуникации. По словам начальника второго отдела отряда № 731 полковника Сота, операция была «весьма эффективной»: среди китайцев возникла эпидемия чумы.

Итак, почему суд состоялся только в декабре тысяча девятьсот сорок девятого года в Хабаровске? Почему не стал составной частью Токийского процесса? Виной тому политика американцев. Дело в том, что в числе военнопленных, попавших в советский плен, были японские военачальники, ранее воевавшие против союзников на Тихом океане и обвинённые в ряде военных преступлений. Американцы просили их выдать.

Двадцать четвёртого августа сорок седьмого года А. Вышинский информировал первого заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника И. Серова, что союзники настаивают на выдаче генералов Китадзава Сададзиро и Такуми Хироси. Генерал-лейтенант С. Китадзава был назначен командиром 123-й пехотной дивизии 4-й армии в Маньчжурии только двадцать пятого января сорок пятого года, а до этого являлся начальником штаба пароходного транспорта японской армии в Сингапуре. Англичане обвиняли его в жестоком обращении с британскими военнопленными при перевозке их из Юго-Восточной Азии в Японию, в результате чего многие умерли от голода и болезни.

Генерал-майор Такуми Хироси, командир специальной бригады, обвинялся в массовом убийстве китайцев в Джохоре.

Советская сторона согласилась выполнить просьбу-требование бывших союзников, но при условии выполнения ответного пожелания. Пятого сентября сорок седьмого года С. Круглов сообщил А. Вышинскому, что советское правительство согласно передать Китадзава и Такуми при условии передачи Исии и Сота.

Шестнадцатого апреля сорок седьмого года Деревянко сообщил ответ американцев: «...что касается Исии и Сота, то они не могут быть переданы, так как у Советского Союза, по-видимому, нет ясно выраженных интересов в военных преступлениях, якобы совершенных японцами над китайцами и маньчжурами».

На Токийском процессе все попытки советской стороны поднять тему подготовки Японией бактериологической войны наталкивались на противодействие американцев.

В итоге СССР организовал свой судебный процесс над японскими военными преступниками в Хабаровске. Все обвиняемые были признаны виновными и получили тюремные сроки от двух до двадцати пяти лет. Смертная казнь в СССР в тот момент была временно отменена. Практически все осуждённые вышли по амнистии на свободу в 1956 году. Эту амнистию устроил монстрам Хрущёв. Им даже банкет организовали во Владивостоке перед отправкой на родину, пили и наши, и монстры – за любовь друг к другу.

Таким образом, все учёные «отряда смерти» (а это почти три тысячи человек), кроме тех, кто попал в руки СССР, избежали ответственности за свои преступления. Многие из тех, кто препарировал живых людей, стали в послевоенной Японии деканами университетов, медучилищ, академиком, бизнесменами.

Принц Такеда (двоюродный брат императора Хирохито), который инспектировал спецотряд, тоже не понёс наказания и даже возглавил японский Олимпийский комитет в преддверии Игр шестьдесят четвёртого года. А сам Сиро Исии, злой гений отряда 731, безбедно жил в Японии и умер лишь в пятьдесят девятом году.

К сожалению, дело его живёт и процветает. Вот только одно из последних сообщений СМИ. Россия запретила пролёт над РФ рейса United Airlines. На борту обнаружен странный вирус. Пролёт этого рейса (Сан-Франциско – Шанхай)

над нашей территорией был запрещён под угрозой уничтожения борта.

Масштабную бактериологическую войну американцы обрушивали на Корею в пятидесятых годах под руководством того же самого Мак-артура. Ему практически удалось загнать в угол северных корейцев, но в последний момент на их защиту поднялись китайские добровольцы и наши лётчики под командованием трижды Героя Советского Союза Николая Покрышкина. Американцам пришлось поджать хвост. Раздосадованный Макартур потребовал от своего президента приступить к атомным бомбардировкам Китая, но тут его не только не поддержали, но и уволили из армии. Американцы справедливо опасались возмездия со стороны Советского Союза, который в арсенале придерживал свою атомную бомбу. Обе стороны договорились о фифти-фифти. Северяне ушли обратно за тридцать

восьмую параллель, из-за которой начинали наступление. Южная Корея осталась за американцами. Там до сих пор тлеет очаг мировой войны.

Что касается Деревянко. Как только международный совет по Японии завершил работу, он вернулся на Родину и снова стал «неизвестным генералом». Сперва преподавал в родной военной академии им. Фрунзе, а затем перешёл на работу в ГРУ. К сожалению, жизнь этого выдающегося человека очень быстро завершилась. Через два года после смерти Сталина он скончался от лучевой болезни, которую получил, исследуя последствия атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Благодаря его материалам в Советском Союзе по-настоящему оценили эффект нового американского оружия. И, несмотря на все материальные трудности, ускорили его разработку, чтобы не дать новому Зверю родиться и выйти на поверхность.

